

ОНИ
ИДУТ
ЗА НЕЙ

ОНА
ГОТОВА
К ВСТРЕЧЕ

СТЕФАНИ
МАЙЕР

ХИМИК

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СУМЕРКИ»

Стефани Майер

Химик

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Майер С.

Химик / С. Майер — «АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-103155-8

Ее кодовое имя «Химик». Она работала на правительственную службу США такой степени секретности, что у нее не было названия, и хранила секреты, способные нарушить мировой баланс. А потом кто-то из ее работодателей решил, что эта женщина знает слишком много... У нее не осталось ничего: ни настоящего имени, ни близких, ни жизни, ни будущего. Ничего, кроме желания выжить любой ценой, – пусть даже для этого придется в последний раз выполнить задание бывшего начальства. Решив играть по собственным правилам, она готовится к самой жестокой битве в своей жизни, но встречает человека, который делает ее более уязвимой... Чтобы избежать гибели, ей предстоит использовать все свои знания и вспомнить, почему ее считали лучшей из лучших в этой непростой профессии...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103155-8

© Майер С., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Стефани Майер

Химик

Stephenie Meyer
THE CHEMIST

© Stephenie Meyer, 2016

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Эта книга посвящается Джейсону Борну и Аарону Кроссу (а также Асе Мучник и Меган Хиббетт, которые с радостью помогают мне и поощряют мою страсть)

Глава 1

Для женщины, которая в данный момент называла себя Крис Тейлор, такая поездка была обычным делом. Встать гораздо раньше, чем ей хотелось бы, разобрать и сложить то, что перед сном установила ради собственной безопасности. Ужасно обидно – так трудиться вечером, чтобы утром первым делом все убрать, однако минутная лень могла стоить жизни. После этой ежедневной процедуры Крис садилась в неприметный седан – старенький, но без явных вмятин или других повреждений – и час за часом ехала.

Даже преодолев три штата и бесчисленное множество более мелких границ – приблизительно необходимое расстояние, Крис забраковала несколько населенных пунктов. Этот маловат, из другого всего два выезда, в третьем, казалось, настолько редко видят новые лица, что она никак не сумела бы затеряться в толпе, хотя Крис старалась выглядеть как все. По пути она отметила пару мест, куда, возможно, однажды заглянет – магазин сварочного оборудования, склад военного снаряжения, рынок. Скоро пойдут персики – надо запастись.

Наконец, ближе к вечеру, Крис остановилась в незнакомом оживленном городке, где даже в публичной библиотеке было немало посетителей. Крис предпочитала пользоваться бесплатным Интернетом – так ее сложнее отследить.

Она оставила машину у западной стены здания, вне поля зрения расположенной над входом камеры. Все библиотечные компьютеры были заняты. Неподалеку слонялись другие желающие поработать в Сети, поэтому Крис сначала просмотрела секцию с биографической литературой, но обнаружила, что уже прочла все стоящие материалы. Затем откопала недавний шпионский роман своего любимого автора, бывшего «морского котика», а также прихватила несколько похожих книг. Отправившись на поиски местечка с лучшим обзором, Крис ощутила резкий укол вины. Красть из библиотеки – это как-то низко. И все же о читательском билете по ряду причин не могло быть и речи, а вот в книгах Крис находила, пусть и редко, подробности, которые помогали ей выжить. Мысль о выживании всегда заглушала чувство вины.

Крис, конечно, понимала, что затея на девяносто девять процентов бессмысленна – вряд ли вымышленные описания окажутся действенными, но уже давно проработала все материалы, более или менее основанные на реальных фактах. За неимением лучших источников порой приходилось рыться в менее авторитетных: когда изучать было совсем нечего, Крис паниковала больше обычного. Да и в прошлом улове она все-таки обнаружила полезный совет и даже ввела его в свою ежедневную программу.

Устроившись в потертом кресле в дальнем углу, откуда открывался неплохой обзор, Крис сделала вид, что увлеченно читает первую книгу из стопки. Судя по тому, что некоторые пользователи разложили по столам все свое добро, а один даже снял обувь – они тут надолго. Возлагать надежды стоило на девочку-подростка с измученным выражением лица и кипой справочной литературы. Девочка не заглядывала в соцсети, а выписывала из поисковика имена авторов и названия работ. Склонившись над книгой и тайком достав лезвие, Крис аккуратно срезала с корешка магнитный датчик и сунула его в щель между сиденьем и подлокотником кресла. А затем, изобразив скуку, перешла к следующей книге.

Когда девочка встала из-за стола, Крис уже успела спрятать книги в рюкзак и была наготове. Прежде чем остальные слоняющиеся вокруг претенденты успели понять, что шанс упущен, Крис без резких движений и видимой спешки заняла освободившееся место.

Сама проверка электронной почты обычно занимала около трех минут. А потом Крис предстояли еще четыре часа – если она не станет запутывать следы – пути к временному пристанищу. Ну и, конечно, сборка охранной системы. Только после этого Крис могла наконец-то лечь спать. Почтовый день всегда выходил долгим.

Несмотря на то, что между ее нынешней жизнью и этим почтовым ящиком не было связи – всегда разные сетевые адреса, никакого обсуждения мест или имен, – прочитав и, если приходилось, ответив на письма, Крис тут же выскакивала на улицу и мчалась из города как можно дальше. Просто на всякий случай.

Фраза «на всякий случай» стала для Крис неосознанной мантрой. Ее жизнь состояла из бесконечной подготовки к подобным случаям, однако, как она часто себе напоминала, без этой подготовки у нее не было бы и самой жизни.

Пусть Крис и не хотелось так рисковать, но деньги имели свойство заканчиваться. Обычно она находила работу в небольших семейных фирмах, где не велись электронные базы, но таким образом ей удавалось заработать лишь на самое основное – еду и арендную плату. Что уж говорить про необходимые дорогостоящие вещи – фальшивые документы, лабораторное оборудование, горы химреактивов. Поэтому Крис временами появлялась в Сети, находила то тут, то там редких клиентов и изо всех сил старалась не привлечь внимание тех, кто желал ее устранили.

Два предыдущих почтовых дня результатов не принесли, поэтому, увидев новое сообщение, Крис обрадовалась. Буквально на долю секунды – именно столько ей потребовалось, чтобы прочитать адрес.

l. carston.463@dpt11a.net

Его настоящий имейл, который так легко ведет прямо к ее бывшим работодателям. Волоски на коже встали дыбом, по телу пронеслась вспышка адреналина, в венах забился пульс – бежать, бежать, бежать! И в то же время Крис не могла не поразиться такой самонадеянности: она ведь наивно полагала, что люди из департамента не могут быть настолько беспечными.

«Они не явятся так быстро», – уговаривала себя Крис сквозь панику, взглядом лихорадочно выискивая среди посетителей библиотеки по-армейски коротко стриженных мужчин в трещащих по швам на слишком широких плечах черных костюмах, любых приближающихся к ней людей. За окном виднелась машина, будто бы нетронутая, но ведь Крис не следила, верно?..

Значит, ее снова вычислили. Однако никто не мог знать, где она собиралась проверять почту. Крис выбирала места наугад и неукоснительно следовала этому принципу.

В безликом кабинете (или в нескольких) уже раздался сигнал тревоги. Может, вспыхнули красные мигалки. Сейчас соберут лучшую команду, вычислят этот сетевой адрес. Вот-вот мобилизуют отряды. Но даже если задействуют вертолеты – а это они могут, – у Крис все равно есть несколько минут. Достаточно, чтобы узнать, чего же хочет Карстон.

В теме значилось: *Устала бегать?*

Вот ублюдок.

Крис кликнула на письмо. Оно оказалось коротким.

Политика изменилась. Ты нам нужна. Неофициальное извинение сойдет? Встретимся? Я бы не просил, но на кону жизни. Очень, очень много жизней.

Карстон ей нравился. Он казался человечнее большинства парней в темных костюмах, работавших на департамент. Некоторые – особенно те, что носили военную форму, – были и вовсе откровенно жуткими. Хотя она лгала самой себе, ведь она знала, что именно ей поручали.

Естественно, они решили действовать через Карстона. Они знали, что Крис одиноко и страшно, и отправили к ней старого друга, чтобы вызвать теплые чувства. Мысль здравая. И пусть Крис вполне могла разгадать их уловку самостоятельно, она весьма кстати вычитала похожий прием в украденном романе.

Крис позволила себе один глубокий вдох и тридцать секунд напряженных размышлений. По идее она должна была сосредоточиться на следующем шаге – как можно быстрее убраться из

библиотеки, города, штата – и определиться, достаточно ли этого. Безопасно ли по-прежнему использовать нынешнюю личность или пора вновь переезжать?

Однако все затмевала мысль о коварном предложении Карстона. Что, если...

Что, если это способ избавиться от преследования? Что, если уверенность в том, что ее заманивают в ловушку – результат паранойи и чрезмерного увлечения шпионской прозой?

Если работа достаточно важна, может, взамен ей подарят жизнь.

Вряд ли.

И все же притворяться, что письмо Карстона затерялось, нет смысла. Крис ответила так, как они наверняка от нее ожидали, хоть и наметила лишь общие черты плана.

Устала от многого, Карстон. Там, где мы впервые встретились, через неделю, в полдень. Увижу с тобой еще кого-нибудь – тут же сваливаю. Уверена, ты знаешь правила. Так что без глупостей.

В следующее мгновение она уже направлялась к выходу, уверенно и непринужденно. Она отсчитывала секунды, прикидывая, как быстро вертолет преодолет расстояние между Вашингтоном и этим городком. Конечно, они всегда могли поднять по тревоге местных, но это не в их стиле.

Совсем не в их стиле, однако... Крис терзало смутное ощущение, что этот стиль вполне мог им надоесть. Он все не приносил им желаемого результата, а терпением они никогда не отличались. Они привыкли получать желаемое сию же секунду. И им никак не удавалось избавиться от Крис уже на протяжении трех лет.

Имейл свидетельствовал о смене стратегии. Если это все-таки не ловушка, конечно. Крис приходилось иметь в виду подобную вероятность. Благодаря такой точке зрения, такому образу жизни Крис до сих пор дышала. Но в дальнем уголке ее сознания уже зародилась глупая надежда.

Крис понимала, что для нее ставка в игре невелика. На кону всего лишь одна жизнь – ее. Единственная жизнь, которую она сохраняла в борьбе со столь превосходящим по силе соперником, – ни больше ни меньше. Основа основ. Одно бьющееся сердце, одна пара легких, что сжимаются и расширяются в груди.

Жива... и она изо всех сил стремилась таковой оставаться, однако иногда, во время самых тяжелых ночей, Крис гадала, за что же так отчаянно борется. Разве подобное существование стоит стольких усилий? Разве не проще закрыть глаза и больше никогда их не открывать? Разве черная пустота не приятнее беспощадного страха и постоянного напряжения?

Ответить «да» и уйти из жизни мирным, безболезненным способом, который всегда под рукой, ей не давало только одно – и это был сильнейший дух соревнования. Он помогал ей в мединституте, а теперь – удерживал ее в живых. Крис просто не позволит им победить. Она не позволит им так просто избавиться от проблемы. Они наверняка поймут ее, однако сначала им придется, черт их подери, потрудиться и пролить немало крови.

Крис уже была в машине, в шести кварталах от ближайшего выезда на автостраду. Темная бейсболка прятала короткую стрижку, мужские солнцезащитные очки в широкой оправе скрывали половину лица, а мешковатая толстовка – худощавую фигуру. Для случайного прохожего Крис походила на мальчишку-подростка.

Тем, кто желал ее смерти, уже довелось пролить свою кровь. Крис вдруг поймала себя на том, что улыбается, вспоминая. Странно, как легко она теперь убивает, сколько удовольствия в этом находит. Она стала кровожадной – какая ирония, если подумать. Крис провела шесть лет под их руководством, и за все это время они так и не сумели ее сломать, превратить в того, кто наслаждается подобной работой. А вот три года в бегах многое изменили.

Крис знала, что убийство невинного человека не принесет ей удовольствия. Эту грань она еще не перешагнула – и никогда не перешагнет. Некоторые из коллег Крис – бывших коллег – окончательно и бесповоротно психически больны, и она считала, что именно поэтому они не настолько хороши, как она. У них неверная мотивация. Крис же черпала силы из ненависти к этой работе.

В ее нынешней жизни убийство становилось очередным шагом к победе. Пусть и не в самой войне, а в небольших сражениях, но это был успех. Чье-то сердце перестанет биться, а ее собственное – продолжит. Кто-то подберется к ней и вместо жертвы встретится с хищником. С коричневым пауком-отшельником, невидимым за тонкими нитями ловушки.

Это они сделали ее такой. Крис гадала, гордятся ли они своим достижением или же только сожалеют, что не успели вовремя прихлопнуть.

Проехав несколько миль, Крис почувствовала себя лучше. Машина у нее популярной модели, по трассе движется около тысячи точно таких же, а украденные номера можно заменить, когда появится безопасное местечко для остановки. С покинутым только что городом ее не связать. Крис миновала два съезда с магистрали, выбрав третий. Если они захотят перекрыть движение, то не узнают, где именно это сделать. Крис все еще скрывается. Все еще в безопасности – пока.

Конечно, теперь о прямой дороге домой не могло быть и речи. Путь обратно занял шесть часов. Крис колесила по разным трассам и улицам, постоянно проверяя, нет ли за ней «хвоста». К своему съемному домику – той еще развалюхе – она добралась уже в полусне. Промелькнула мысль выпить кофе. Взвесив преимущества подзарядки кофеином против еще одного пункта в списке дел, Крис решила положиться на мизерные остатки собственных сил.

Она устало поднялась по двум хлипким ступенькам крыльца, машинально избегая прогнившего места на первой, и открыла замок с двойным засовом на стальной двери, которую установила в первую неделю жизни здесь. Стены – всего лишь деревянный каркас, гипсокартон, фанера и виниловый сайдинг – не смогли бы настолько же хорошо защитить, но, согласно статистике, незваные гости первым делом стремились проникнуть именно через дверь. Решетки на окнах тоже не были непреодолимым препятствием, зато намекали обычным вора, что им стоит поискать более легкой наживы. Прежде чем повернуть дверную ручку, Крис нажала кнопку звонка – три быстрых касания, которые со стороны казались одним долгим. Тонкие стены лишь слегка заглушили трель. Крис поспешно вошла, на всякий случай задержав дыхание. Так и не услышав тихий хруст разбитого стекла, она выдохнула и закрыла дверь.

Крис лично разработала всю домашнюю систему безопасности от начала и до конца. Профессионалы, чьи работы она изучила, пользовались собственными методами. Однако никто из них не владел такими навыками, как Крис. Что уж говорить об авторах романов, которые она читала теперь. Все, что ей было необходимо узнать, легко отыскивалось на «Ютьюбе». Крис собрала надежную ловушку, использовав несколько деталей от старой стиральной машинки, заказанную по Сети плату с микроконтроллером, новый дверной звонок и еще пару мелочей.

Закрыв замок, Крис нажала на ближний к двери выключатель, который отвечал за свет. Средний выключатель в панели был поддельным. А третий подсоединялся к тому же слаботочному кабелю, что и дверной звонок. Оборудование, дверь и панель выключателей были на несколько десятилетий новее остальных предметов в маленькой комнате, которая служила одновременно гостиной, столовой и кухней.

Все на прежних местах: минимальный набор дешевой мебели – ничего достаточно крупного, за чем может спрятаться взрослый человек, – пустые столешницы, никаких украшений и картин. Стерильность. Даже несмотря на желтоватый линолеум и натяжной потолок, помещение напоминало лабораторию.

Может, дело в запахе. Комната была настолько тщательно вычищена, что незванный гость наверняка решил бы, что пахнет средствами для уборки. Если он, конечно, проберется внутрь, не попавшись в ловушку. Иначе у него не окажется времени на такие размышления.

Также в доме были маленькая спальня и ванная, и ведущая к ним единственная дверь располагалась прямо напротив входной. Никаких препятствий на пути, поэтому Крис сразу выключила свет, чтобы не возвращаться обратно.

Она, пошатываясь, вошла в спальню и в полусне принялась за уже привычную работу. Зажигать лампу Крис не стала – сквозь жалюзи лился красный неоновый свет заправки напротив дома – и первым делом уложила на широкой постели, которая занимала почти все пространство, две длинные подушки так, чтобы они смутно напоминали лежащего человека. Затем сунула в наволочки пакеты с искусственной кровью. Вблизи она не очень-то напоминала настоящую, но расчет был на то, что противник разобьет стекло, сдвинет жалюзи и выстрелит. А в полутьме разница не будет заметна. Далее голова – купленная на хэллоуинской распродаже маска с лицом какого-то заурядного политика и относительно реалистичным цветом кожи. Крис набила ее до примерных размеров собственной головы и пришила дешевый темноволосый парик. Самое главное – в нейлоновых прядях скрывался тоненький провод, который проходил между матрасом и пружинной сеткой. Парный провод выходил из подушки под искусственной головой. Крис натянула простыню и одеяло, поправила всю конструкцию, а затем прикрутила друг к другу концы проводов. Соединение выходило очень хрупким. Если хоть немного зацепить голову или подушечное тело, провода тут же незаметно распадутся.

Отступив на шаг, Крис оценила обманку. Вышло не слишком удачно, однако со стороны все-таки было похоже на то, будто в постели кто-то лежит. Даже если противник не поверит, что это Крис, ему придется сначала устранить спящего и только потом заняться поисками.

Крис слишком устала, чтобы переодеваться в пижаму, поэтому просто-напросто стянула мешковатые джинсы. И так сойдет. Она взяла четвертую подушку и достала из-под кровати спальный мешок. Они показались тяжелее, чем обычно. Забросив их в ванну, Крис почистила зубы. На полноценное умывание сил уже не было.

Под раковиной, под стопкой полотенец, скрывались пистолет и респиратор. Крис натянула респиратор на лицо и закрепила ремешки, а затем похлопала по фильтру и вдохнула через нос, проверяя герметичность. Все в полном порядке. Как всегда. Однако Крис никогда не позволяла себе изменять последовательность действий в угоду усталости или привычке. Пистолет Крис переложила в мыльницу, до которой легко дотянуться из ванны. Такое оружие Крис не любила. Стреляла она неплохо, если сравнить с неумелым гражданским, а вот до профи ей было далеко. Впрочем, однажды ее систему раскусят, и противники тоже окажутся в респираторах – на этот случай она и держала при себе пистолет.

По правде говоря, Крис поражалась, что такие уловки помогли ей столько продержаться. Она сунула под лямку бюстгалтера картридж химпоглотителя и, еле переставляя ноги, направилась в спальню, где опустилась на колени рядом с вентиляционной решеткой у правой, нетронутой, стороны кровати. Решетка была куда менее пыльная, чем следовало; верхние шурупы – наполовину откручены, а нижние отсутствовали полностью, однако Крис полагала, что из окна такие детали не видны, а если противник их даже заметит, то не поймет, в чем дело. Шерлок Холмс мог бы – но он едва ли не единственный человек, который точно не станет охотиться за Крис.

Она извлекла верхние шурупы и сняла решетку. Заглянувший внутрь тут же кое-что бы понял. Во-первых, вентиляция перекрыта и не работает. Во-вторых, большое белое ведро и аккумулятор наверняка стоят там неспроста. Крис поддела крышку ведра, и из него мгновенно появился тот же самый химический запах, что наполнял гостиную. настолько привычный, что Крис его едва заметила.

Она достала странное приспособление со спиралью, металлическими дужками и тонкими проводами, небольшую стеклянную ампулу и резиновую перчатку. Крис расположила соленоид – устройство, которое она вытащила из выброшенной стиральной машинки, – так, что дужки наполовину погрузились в бесцветную жидкость в ведре. Крис дважды моргнула, пытаясь сосредоточиться, – работа предстояла тонкая, – затем надела перчатку на правую руку и взяла в левую картридж химвсасывателя. Затянутой в перчатку рукой Крис осторожно установила ампулу в желобки, которые специально проделала в металлических дужках соленоида. Ампула с белым порошком, инертным и безвредным, оказалась ровно под поверхностью кислоты. Однако если хрупкое соединение проводков на постели вверху прервется, импульс приведет соленоид в движение, и стекло разобьется. А белый порошок станет газом – уже не инертным и не безвредным.

По сути устройство было такое же, что и в гостиной. Только с более простой проводкой. Эту ловушку Крис готовила, когда ложилась спать.

Она вернула перчатку на место и закрыла вентиляцию, а потом с облегчением поплелась в ванную. Дверь тоже могла бы вызвать у настолько же дотошного, как Шерлок Холмс, человека подозрения – резиновые уплотнители по краям явно не шли в комплекте. Пусть они и не делали ванную полностью герметичной, но давали небольшую фору.

Крис почти рухнула, словно в замедленной съемке, в ванну, на мягкий спальный мешок. Она далеко не сразу привыкла спать в респираторе, однако сейчас с удовольствием закрыла глаза.

Кое-как закутавшись в теплый нейлоновый кокон, Крис ерзала до тех пор, пока не уперлась спиной в твердый прямоугольник айпада. Он был подключен к удлинителю, соединенному с проводкой в гостиной. Если ток прервется, айпад завибрирует. Крис знала по собственному опыту, что тут же проснется, даже будучи измотанной, как сегодня. Картридж химвсасывателя, который она прижимала к груди, как ребенок любимого плюшевого мишку, Крис могла вскрыть и прикрутить к респиратору менее чем за три секунды. Даже толком не проснувшись, в темноте и не дыша. Крис немало тренировалась и вдобавок проверила себя уже в трех экстренных ситуациях. Она выжила. Система работала.

Несмотря на усталость, Крис пришлось мысленно прокрутить заново сегодняшний неудачный день, иначе мозг попросту не позволил бы ей провалиться в сон. Ужасное чувство – сродни фантомной боли, не связанной ни с какой частью тела, но ощутимой – осознание, что они снова ее обнаружили. А еще Крис была недовольна своим ответом на имейл. Она придумала план сгоряча и теперь терзалась сомнениями. Действовать придется куда быстрее, чем ей хотелось бы.

Крис знала теорию, что иногда, если броситься прямо на вооруженного противника, можно застать его врасплох. Она же всегда предпочитала побег, однако в этом случае пока не видела другого выхода. Может, увидит завтра, когда придет в норму.

И, укутанная своей паутиной, Крис заснула.

Глава 2

Ожидая Карстона, она вспоминала, как департамент уже пытался лишить ее жизни.

Барнаби – доктор Джозеф Барнаби, наставник и последний из друзей – приготовил Крис к первому покушению. Однако спасли ее даже не предусмотрительность, планы и глубоко укоренившаяся паранойя Барнаби, а чистая случайность в виде лишней чашки черного кофе.

В то время Крис не спалось. Она уже проработала с Барнаби шесть лет, и где-то на середине этого пути он поделился с ней подозрениями. Сначала она не хотела верить. Они ведь просто выполняют указания, причем мастерски. «Не думай, что это все надолго, – настаивал Барнаби, хотя провел в том же подразделении семнадцать лет. – Такие, как мы – люди, которые знают слишком много, – в конце концов становятся обузой. Тебе даже не обязательно совершать ошибки. Ты можешь быть полностью достойной доверия. Это им доверять нельзя».

Вот тебе и работа на хороших парней.

Подозрения Барнаби обрели под собой основу, а потом перешли на стадию планирования, которое включало в себя и физическую подготовку. Барнаби свято верил в то, что главное – быть готовым. Правда, его это не спасло.

Ситуация начала накаляться за несколько месяцев до даты побега. Неудивительно, что Крис не спалось. А тем самым апрельским утром, чтобы запустить мозги, ей пришлось выпить две чашки кофе вместо привычной одной. Лишняя чашка для небольшого мочевого пузыря в небольшом теле – и вместо того, чтобы сидеть за столом, она побежала в туалет в такой спешке, что даже не вышла из системы на рабочем компьютере. Именно в туалете Крис и оказалась, когда в лабораторию просочился смертоносный газ. А вот Барнаби был на своем месте.

Его крики стали для нее последним подарком, последним предупреждением.

Они были уверены, что в лаборатории им ничего не грозит. Мертвецы привлекают внимание, и всякий разумный убийца постарался бы совершить свое гнусное деяние где-нибудь подальше. И уж тем более не в собственной гостиной.

Наверное, не стоило недооценивать высокомерие людей, желавших ей смерти. Законы их не волновали – они были лучшими друзьями тех, кто эти законы придумывал. Вдобавок Крис с Барнаби не приняли в расчет, что умного человека способна застать врасплох банальнейшая глупость.

Следующие три нападения были более прямолинейными. Профессиональные наемники, судя по тому, что работали они в одиночку. Пока только мужчины, хотя в будущем вполне могут задействовать и женщин. Первый попытался ее застрелить, второй – резать, третий – проломить ей голову. Ничего не вышло, ведь нападали они на подушки. А потом – умирали.

Через две с половиной секунды после того, как провода рассоединились, комнату бесшумно заполнял невидимый, но крайне ядовитый газ. И убийце оставалось жить, в зависимости от его роста и массы тела, примерно пять секунд. Причем – далеко не приятных.

Она использовала нечто вроде той смеси, которая убила Барнаби. Самый простой из известных Крис способов убить человека настолько быстро и мучительно. Причем запасы можно было постоянно пополнять в отличие от остального арсенала. Все, что необходимо – хороший резерв персиков и средства для чистки бассейна. Не надо ни пробираться в запретные зоны, ни светить свой почтовый адрес – наемникам ее не отследить.

Поэтому она была в таком бешенстве – как, как они ухитрились снова ее найти?! Она рвала и метала с тех самых пор, как проснулась вчера, и с каждым часом злость только усиливалась.

Крис заставила себя подремать, а всю следующую ночь провела в пути, арендовав подходящую машину на не очень убедительные документы на имя некой Тейлор Голдинг и недавно приобретенной на то же имя кредитки. Ранним утром она приехала в город, где абсолютно не

хотела появляться, отчего ярость вспыхнула с новой силой. Вернув машину в прокат «Гертц» около аэропорта имени Рональда Рейгана, Тейлор направилась в компанию, расположенную напротив, и арендовала другое авто, уже с номерами округа Колумбия.

Полгода назад она поступила бы совершенно иначе. Собрала бы вещи, продала свою машину на сайте объявлений «Крейгслист» за наличные, купила бы новую с рук у местного жителя и несколько дней бесцельно бы ехала, пока не наткнулась бы на подходящий средний городок. И заново начала бы выживать.

Однако теперь в ней поселилась глупая, безумная надежда, что Карстон не лгал. Надежда эта еле теплилась и вряд ли подвигла бы ее на такой риск сама по себе. Было и нечто другое – слабое, но досадное беспокойство, что она сбегает от ответственности.

Барнаби спас ее однажды – и продолжает спасать по сей день. После каждого покушения она остается в живых только благодаря тому, что он обучил и подготовил ее.

Если Карстон лжет – а она была на девяносто семь процентов в этом уверена – и готовит засаду, тогда лживо все его сообщение. Включая часть о том, что Тейлор им нужна. А если они в ней не нуждаются, значит, нашли на замену кого-то с такими же блестящими способностями.

Может, нашли давным-давно, может, уже успели уничтожить целую вереницу работников, кто их знает – однако Тейлор сомневалась. Несмотря на огромные деньги и связи, департаменту всегда не хватало одного – людей. На поиски, обработку и обучение таких ценных кадров, как Барнаби или она, уходило немало времени. Тех, кто обладает подобными навыками, в подборке не вырастить.

Ее спасителем стал Барнаби. А кто поможет глупцу, которого наняли вместо нее? Новичок может быть гением, как и она, однако не поймет самого главного. Забудь про «службу на благо Родины», «спасение невинных жизней», «самое современное оборудование», «передовые научные исследования» и «неограниченный бюджет». И про семизначную зарплату тоже. Как насчет того, чтобы просто остаться в живых? Совершенно очевидно – тот, кто занимает ее прежнюю должность, понятия не имеет, что вопрос его выживания даже не обсуждается.

Вот бы как-нибудь предостеречь этого несчастного... Хотя возможности потратить столько времени, сколько потратил Барнаби, натаскивая ее саму, у нее нет. Всего один разговор: «Смотри, как они вознаграждают таких, как мы. Готовься».

Но такого варианта не было.

Утро ушло на подготовку. Она заселилась в «Брейскотт», небольшой бутик-отель, назвавшись Кейси Уилсон. Документы были не качественнее предыдущих, на имя Тейлор Голдинг, однако девушка-администратор отвлеклась на хором зазвонившие телефоны и не обратила внимания. Свободные номера есть, несмотря на ранний час, сообщила администратор, но придется заплатить за дополнительный день, ведь заселение только с трех часов. Кейси тут же согласилась, и девушка с облегчением выдохнула. Она улыбнулась, впервые взглянув Кейси в лицо, и та едва не вздрогнула. Даже если администратор ее запомнит – неважно. Через полчаса ее будут знать все.

Кейси намеренно использовала имена, которые могли принадлежать как мужчине, так и женщине. Подобную стратегию она вычитала в архивах, которыми ее снабжал Барнаби, – так поступали настоящие шпионы. Впрочем, к этому же логическому выводу пришли и беллетристы. Смысл заключался в следующем: те, кто будет искать в отеле женщину, начнут с типично женских имен вроде Дженнифер или Кэти. До таких, как Кейси, Терри или Дрю, они доберутся, исследуя список постояльцев уже по второму кругу. Хорошо, если Кейси удастся выиграть еще немного времени. Даже минута может спасти ей жизнь.

Готовый помочь носильщик шагнул вперед, но Кейси покачала головой и потянула свой единственный чемодан на колесиках к лифту, отворачиваясь от камеры над щитком управления. Уже в комнате она достала из чемодана большой кожаный портфель и черную дамскую сумочку на молнии. Кроме этих вещей, в чемодане не было ничего.

Кейси стянула блейзер, который вместе с тонким серым свитером и простыми черными брюками придавал ей строгий вид. Вытащила булавки – из облегающего свитер стал свободным, делая ее более хрупкой, даже юной. Стерев большую часть макияжа, Кейси окинула взглядом свое отражение в большом зеркале над комодом. Молоденькая, беззащитная, словно прячется в мешковатом свитере. Сойдет.

Если бы пришлось иметь дело с женщиной, то Кейси разыграла бы все немного по-другому. Может, даже подрисовала бы кровоподтеки синими и черными тенями. Однако, судя по визитной карточке на стойке администрации, управляющим здесь был некий Уильям Грин, так что Кейси решила не тратить лишнее время.

План неидеален, и это ее беспокоило. Куда лучше иметь в запасе еще неделю, просчитать все возможные последствия... Но в сложившихся обстоятельствах – такой выход оптимален при всей его сложности. Уже поздно продумывать все заново.

Кейси позвонила администратору с просьбой связать ее с мистером Грином. Ждать долго не пришлось.

– Уильям Грин у аппарата... чем могу помочь?

Крайне радушный и полный тепла голос вызвал в сознании образ эдакого человека-моржа с кустистыми усами.

– М-м... Надеюсь, я вас не слишком потревожу...

– Что вы, мисс Уилсон, конечно нет. Сделаю для вас все, что в моих силах.

– Мне и в самом деле нужна помощь, но, боюсь, прозвучит странно... Сложно объяснить.

– Не беспокойтесь, мисс, я наверняка сумею разобраться.

Говорил он очень уверенно. Кейси невольно задумалась, с какими еще странными просьбами к нему обращались.

– Ох, – вздохнула она. – Может, лучше лично?..

– Конечно, мисс Уилсон. Как раз через пятнадцать минут я освобожусь. Мой кабинет на первом этаже, недалеко от стойки администратора, за углом. Вас устроит?

С волнением и облегчением в голосе она ответила:

– Да, огромное вам спасибо.

Кейси убрала вещи в шкаф и отсчитала нужное количество купюр из запаса в портфеле. Спрятав деньги в карман, выждала тринадцать минут и спустилась по лестнице, чтобы не попасть на камеры в лифте.

Впустивший Кейси в свой лишенный окон кабинет мистер Грин на удивление соответствовал портрету, который она мысленно нарисовала ранее. Усов, правда, не было – как и прощого волосяного покрова, за исключением едва заметных белых бровей, – но в целом он действительно напоминал моржа.

Разыграть испуг не стоило труда, и уже на середине истории о том, как жестокий бойфренд украл ее фамильные драгоценности, Кейси поняла, что Грин купился. Он так по-мужски возмутился и, казалось, был готов вот-вот разразиться тирадой о чудовищах, которые бьют хрупких женщин, но сдерживался. Только выдал пару фраз вроде: «Успокойтесь, мы о вас позаботимся, здесь вы в безопасности». Наверное, он помог бы и без щедрых чаевых, однако лишними они не были. Грин поклялся, что расскажет все лишь той части персонала, которую они задействуют в плане, и Кейси сердечно его поблагодарила. Он пожелал ей успеха и предложил вызвать полицию. Кейси же с глубочайшей печалью призналась, что ни полиция, ни судебные запреты ей так ничем и не помогли, а затем намекнула, что сумеет справиться сама, если ей на выручку придет такой большой и сильный мужчина, как мистер Грин. Польщенный, он поспешил заняться подготовкой.

Кейси уже разыгрывала эту карту. Барнаби предложил ее в самом начале, когда они отрабатывали план побега. В первое мгновение Кейси разозлилась, отчего-то почувствовав себя

оскорбленной, однако Барнаби всегда смотрел на вещи трезво. Для многих людей невысокая женщина будет казаться слабой. Почему бы не использовать образ себе во благо? Изобразить жертву, чтобы не стать таковой.

Кейси вернулась в номер и сменила одежду на ту, которую хранила в портфеле. Вместо свитера она надела обтягивающую футболку с V-образным воротом и широкий черный кожаный пояс с замысловатой вязью. Снятые вещи должны были поместиться в портфель – чемодан Кейси оставляла в отеле, куда не собиралась возвращаться.

Она была уже вооружена, потому что никогда не покидала дом неподготовленной. Однако сейчас Кейси переходила на полную боевую готовность, вооружаясь в буквальном смысле до зубов. Вернее, до зуба – она установила поддельную коронку, заполненную не таким болезненным, но столь же смертоносным, как цианид, ядом. Трюк не зря считается древнейшим – работает он всегда исправно. Иногда последним вариантом остается лишь ускользнуть из рук врагов на тот свет.

В черной сумочке с двумя деревянными вставками на ремешке хранились маленькие, подбитые тканью коробочки с особыми украшениями. Каждое из них – уникальное и незамеченное. Таких вещей ей больше не достать, поэтому Кейси обращалась с ними крайне бережно.

Три кольца – розовое золото, желтое золото и серебро, – каждое с крошечными шипами, спрятанными в гравировке. Цвет металла обозначал то, каким веществом покрыты шипы. Очень прямолинейно и, наверное, ожидаемо.

Далее – серьги, которые требовали особой осторожности. Кейси не стала рисковать и надевать их сразу – лучше подобраться поближе к цели. Как только они окажутся в ушах, придется следить за каждым движением головы. Серьги выглядели как простые стеклянные шарики, однако были настолько хрупкими, что разлетелись бы на куски и от достаточно высокой ноты, так как уже находились под давлением. Если кто-нибудь схватит Кейси за шею или голову, стекло едва слышно лопнет. Она задержит дыхание – ее с легкостью хватало на одну минуту и пятнадцать секунд – и, если получится, закроет глаза. А вот противник не будет знать, что надо поступить именно так.

На шее – крупный серебряный медальон. Он сразу бросался в глаза и приковывал к себе взгляд любого, кто знал истинную личность Кейси. Впрочем, ничего смертоносного в нем не было; медальон просто отвлекал внимание от другого оружия. Внутри хранилось фото милой малышки с копной светлых волос. На обороте значилось ее полное имя, написанное от руки. Такую вещицу могла бы носить мать или тетя девочки. Однако это была фотография единственной внучки Карстона. Кейси надеялась, что если уж погибнет, а тело обнаружит полиция, то им придется, за неимением другого способа установить ее личность, заняться этой уликой, которая приведет к порогу дома, где живет настоящий убийца. Вряд ли это серьезно заденет Карстона, но, быть может, доставит ему определенные неприятности. Например, заставит испугаться, что Кейси раскрыла еще какую-нибудь информацию.

Она достаточно знала о скрытых катастрофах и засекреченных ужасах, поэтому могла немало досадить Карстону. Однако даже теперь, спустя три года после первого смертного приговора, Кейси все еще становилось не по себе при мысли о предательстве или панике, которая поднимется в обществе. Предсказать ущерб – насколько пострадают мирные жители от таких откровений – невозможно. Поэтому Кейси решила просто-напросто заставить Карстона думать, что она поступила столь безрассудно. Может, от беспокойства у него разовьется аневризма.

Вот такой красивый медальончик, пропитанный мстью, чтобы поражение показалось не таким уж горьким.

Настоящую опасность же таил в себе шнурок, на котором висел медальон. Благодаря его прочности им можно было с легкостью удавить человека. Вместо застежки он скреплялся магнитами – Кейси не хотела попасться в собственную ловушку. В деревянных вставках на

ремешке сумки располагались слоты для этих магнитов – таким образом вставки становились рукоятками. Кейси не стремилась сразу прибегать к физической силе, однако этого от нее не ожидают. Еще одно преимущество не будет лишним.

В плетении на кожаном поясе скрывались пружинные шприцы. Кейси могла вытаскивать их по одному или же использовать механизм, чтобы обнажить все иглы, если противник к ней прижмется. Вряд ли его организм переварит смесь разных веществ.

В карманах – скальпельные лезвия с обмотанными краями.

В обуви – два ножичка; первый вылетает из носка, второй из пятки.

В сумке – два баллончика с надписью «перцовый спрей», однако один из них заполнен кое-чем, что выведет соперника из строя навсегда.

Симпатичный флакончик духов с газом вместо жидкости.

Нечто похожее на тюбик бальзама для губ.

И еще несколько забавных штук, на всякий случай. Плюс мелочи, которые Кейси брала для уж совсем маловероятного исхода – успеха. Ярко-желтая бутылочка в форме лимона, спички, дорожный огнетушитель. И наличка. Кейси сунула в сумку ключ-карту от номера. Возвращаться в отель она не собиралась, но, если все пройдет хорошо, туда заглянет кое-кто другой.

Двигаться приходилось крайне осторожно, но Кейси давно приноровилась. Мысль, что любой, кто толкнет ее, пожалеет об этом, успокаивала.

Кивнув девушке-администратору, Кейси покинула отель с портфелем в руке и черной сумочкой на согнутом локте, а затем села в машину. Добравшись до людного парка в центре города, Кейси оставила машину на парковке расположенной рядом торгового центра.

Отлично зная парк, Кейси сразу же отправилась к уборной на его юго-восточном углу. Утром буднего дня там было ожидаемо пусто. Кейси достала из портфеля очередной комплект одежды, свернутый рюкзак и пару мелочей. Переодевшись, убрала ненужные вещи обратно, а затем сунула портфель и сумку во вместительный рюкзак.

Вышедшую из уборной Кейси вряд ли бы кто-то сразу воспринял как особь женского пола. Она неспешно зашагала к южному выходу, сутулясь и стараясь не вилять бедрами. Никто не смотрел, но лучше было вести себя так, будто за ней наблюдают.

К обеду парк заполнился людьми. На бесполого подростка, который сидел на скамейке в тени и яростно строчил что-то в телефоне, никто не обращал внимания. Никто не подходил достаточно близко и не мог увидеть, что телефон выключен.

Напротив скамейки, через дорогу, располагалось любимое кафе Карстона. Вовсе не то место встречи, что предложила Кейси. Вдобавок она приехала на пять дней раньше.

Кейси внимательно следила за тротуаром, скрыв глаза за мужскими солнцезащитными очками. Может, ничего не выйдет. Может, Карстон изменил привычкам. В конце концов, привычки опасны. Как и мысли о безопасности.

Она тщательно исследовала советы по маскировке и в профессиональных материалах, и в художественных романах, выбирая самые логичные варианты. Не стоит напирать платиновый парик и шпильки только потому, что ты низкорослая брюнетка. Думай не о противоположностях, а о неприметности. Думай о том, что привлекает внимание – и избегай подобного. Используй все преимущества. Иногда то, что делает тебя неказистой, может спасти тебе жизнь.

Раньше, в прежние спокойные дни, Кейси ненавидела свою мальчишескую фигуру. Теперь использовала ее. Стоит надеть мешковатый свитер и потертые джинсы на размер больше, и любой, кто ищет женщину, равнодушно минует взглядом мальчишку. Короткие волосы легко скрыть под бейсболкой, а несколько пар носков в огромных кроссовках делали походку неуклюжей и придавали вид типичного нескладного мальчика-подростка. Взглянувший ей в лицо, конечно, заметил бы несоответствия образу, но зачем на нее смотреть? В парк стягивались люди всех возрастов и полов. Кейси не выделялась из толпы, а преследователи

никак не ожидают встретить ее здесь. Она не возвращалась в Вашингтон со времен первого покушения.

Покидать паутину, охотиться – не ее сильная сторона. Но, по крайней мере, Кейси продумывала и такой вариант. Ежедневные заботы занимали лишь часть ее разума. Остальная же безостановочно размышляла над всевозможными раскладами и сценариями. Поэтому сейчас Кейси чувствовала себя увереннее. Она действовала по модели, которую создавала на протяжении многих месяцев.

Привычкам Карстон не изменил. Ровно в двенадцать часов пятнадцать минут он опустился за металлический столик летней площадки – тот, что полностью прятался под тенью зонта. Когда-то Карстон был рыжим. Волос сейчас у него почти не осталось, зато кожа была по-прежнему светлой.

Официантка помахала Карстону и, кивнув, скрылась в кафе. Значит, обычный заказ. Еще одна смертельно опасная привычка. Если бы Кейси хотела устранить Карстона, то подстроила бы все так, что он даже не узнал бы о ее присутствии.

Поднявшись, она сунула телефон в карман и закинула рюкзак на плечо.

Неподалеку, после небольшого подъема, росли деревья – там Карстон ее не увидит. Настало время очередного переодевания. Прекратив сутулиться, Кейси сняла кепку. Потом свитер, под которым пряталась футболка. Затянула пояс, подвернула джинсы, превращая их в модные «бойфренды». Сменила кроссовки на балетки. Кейси проделала все манипуляции так непринужденно, словно ей просто стало жарко. Погода стояла подходящая. Случайные свидетели, наверное, удивились бы, увидев под мужской одеждой девушку, но вряд ли запомнили бы этот момент надолго. В солнечные дни на улицах Вашингтона всегда появлялось немало фриков.

Достав сумочку, Кейси оставила рюкзак за дальним деревом. Даже если эти вещи украдут, она без них проживет.

Убедившись, что никто не смотрит, Кейси надела парик и, наконец, бережно вдела в уши серьги.

Она могла бы предстать перед Карстоном и в мужской одежде, но зачем открывать секреты? Зачем давать ему понять, что она за ним наблюдала? Если Карстон, конечно, заметил мальчишку на скамейке. Кроме того, Кейси, возможно, придется снова принять это обличье. Да, она сэкономила бы время, покинув отель в нынешнем образе, однако ее изображение на записях системы наблюдения отеля могли с легкостью отследить и связать с кадрами, снятыми на уличные камеры или телефоны в руках прохожих. Поработав над внешностью, Кейси замела как можно больше следов. Тому, кто будет искать мальчишку, или бизнес-леди, или типичную посетительницу парка, которой она сейчас являлась, придется потрудиться.

В новом обличье стало прохладнее. Кейси, согревшая под нейлоновым свитером, немного постояла на ветерке и только затем вернулась на тротуар.

Она подошла к Карстону сзади, следуя по тому же пути, что проделал он сам несколько минут назад. Подали еду – сэндвич с курицей и сыром, – и Карстон полностью сосредоточился на ее поглощении. Однако он умел притворяться еще лучше, чем Кейси.

Она безо всяких прелюдий опустилась на свободное место напротив. Карстон поднял взгляд, продолжая жевать.

Кейси знала: он прекрасный актер. Поэтому предполагала, что он сумеет вовремя скрыть истинные чувства под теми, которые хотел показать ей. Однако на его лице не отразилось ни капли изумления – значит, Кейси застала его врасплох. Если бы он ее ждал, то сделал бы вид, что потрясен. А прямой взгляд и методичное пережевывание говорили, что Карстон сдерживает удивление. Кейси была в этом уверена. Процентом на восемьдесят.

Она молча посмотрела в его ничего не выражающие глаза.

– Видимо, встретиться по плану – это слишком просто, – произнес Карстон, дожевав.

– Для твоего снайпера – конечно, – сказала Кейси так же громко, как и он.

Посторонний бы посчитал это шуткой. Однако две компании за соседними столиками общались и хохотали, а прохожие слушали музыку или говорили по телефону. На слова Кейси обращал внимание только Карстон.

– Я ни при чем, Джулиана. Ты ведь знаешь.

Теперь настал ее черед быть неувлеченной. Ее так давно не называли настоящим именем, что оно прозвучало чужим. Потрясение сменилось тихим удовлетворением. Хорошо, что имя кажется незнакомым. Значит, она все делает правильно.

Карстон мельком оглядел явно искусственные волосы – по цвету почти как ее собственные, однако он явно подозревал, что под париком может скрываться нечто совсем иное, – и заставил себя вновь взглянуть ей в глаза. Не дождавшись реакции, Карстон осторожно продолжил:

– Те... э-э... лица, которые решили, что тебе пора, м-м, отойти от дел, впали... в немилость. И вообще их решение изначально поддерживали немногие. Теперь же те, кто был не согласен, не обязаны им подчиняться.

Может, и правда. Скорее всего, нет.

– Тебя разве что-нибудь... беспокоило в последние девять месяцев? – ответил Карстон на саркастический взгляд.

– А я-то думала, что просто научилась играть в прятки лучше вас.

– Все кончено, Джули. Правда восторжествовала.

– Обожаю хеппи-энды.

Карстон вздрогнул, будто сарказм его задел. Или же только притворился.

– Не такой уж и хеппи-энд, – медленно произнес он. – Иначе я бы с тобой не связался. Тебя оставили бы в покое на всю жизнь. Долгую, насколько это в наших силах.

Кейси кивнула, словно согласилась, поверила. Раньше она всегда принимала речь Карстона за чистую монету. Он долго пробыл для нее олицетворением хороших парней. А теперь попытки расшифровать, что же действительно означает каждое слово, превратились для нее в странную, но забавную игру.

И все-таки в голове вдруг раздался тихий голосок: «А что, если это не игра? Что, если это правда?... Что, если я вновь обрету свободу?»

– Ты была лучшей, Джулиана.

– Не я, а доктор Барнаби.

– Знаю, ты не станешь и слушать, но все равно скажу. Ты куда талантливее, чем он.

– Благодарю.

Карстон вскинул брови.

– Не за комплимент, – пояснила она. – А за то, что ты не пытаешься выставить его смерть случайностью.

Тон Кейси по-прежнему оставался совершенно непринужденным.

– Плохой выбор, спровоцированный паранойей и предательством. Человек, способный выдать напарника, всегда будет подозревать его в том же. Бесчестные люди не верят в существование честных.

Кейси слушала Карстона с каменным выражением лица.

За три года в бегах она не выдала ни единой тайны, в которые была посвящена. Ни разу не дала преследователям повод заподозрить предательство. Оставалась верной, даже когда ее пытались убить. И департаменту было плевать.

Их мало что волновало. На миг она вспомнила, как близко она была к тому, что искала, чего уже достигла бы в важнейшем исследовании, если бы ее не прервали. Видимо, на тот проект им тоже было плевать.

– Предатели сели в лужу, – продолжил Карстон. – Ведь мы так и не нашли никого равного тебе. Черт, даже равного Барнаби. Удивительно, как люди забывают, насколько редко встречается истинный талант.

Карстон умолк, явно надеясь, что она что-нибудь скажет, спросит, выдаст заинтересованность. Однако Кейси продолжала молча, но вежливо смотреть на него, словно на незнакомца.

Он вздохнул, а потом наклонился вперед, вдруг напрягшись.

– Возникла проблема. Нам нужны ответы, которые можешь дать только ты. У нас нет человека, способного выполнить эту работу. Облажаться нам нельзя.

– Вам, а не нам, – просто отозвалась она.

– Ты не такая, Джулиана, я знаю. Тебя волнуют жизни невинных людей.

– Волновали. Эту часть меня, можно сказать, убили.

Карстон снова вздрогнул.

– Я сожалею, Джулиана. Всегда сожалел. Пытался им помешать. И вздохнул с облегчением, когда ты ускользнула из их рук. Каждый раз, когда ты ускользала.

Она была невольно впечатлена тем, как Карстон все признал. Без споров, оправданий. Без фраз в духе «это просто несчастный случай в лаборатории», которые она ожидала. Или «это не мы, а враги государства». Никаких рассказов; он просто подтвердил.

– И теперь сожалеют все. – Карстон вдруг заговорил так тихо, что ей пришлось напрячь слух. – Ведь у нас больше нет тебя, а из-за этого погибли люди. Тысячи. Десятки тысяч.

Он выждал, пока она переварит услышанное. На оценку всех возможных вариантов ушло несколько минут. Кейси заговорила, стараясь не выдать ни малейшего интереса или чувства. Просто констатация фактов, чтобы поддержать беседу.

– Кто-то обладает жизненно важной информацией.

Карстон кивнул.

– И вы не можете его устранить – тогда остальные поймут, что их раскрыли. А это повлечет за собой расклад, которого вы стремитесь избежать.

Еще кивок.

– Дело плохо, верно?

Вздых.

Ничто так не ставило весь департамент на уши, как угроза терроризма. Кейси завербовали в период, когда вокруг рухнувших башен-близнецов еще не осела пыль шумихи. Главной целью работы Кейси – и лучшим ее оправданием – было предотвращение подобного. Однако угрозой террористических атак манипулировали и в собственных целях – настолько, что в конце концов Кейси потеряла всякую веру в то, что служит на благо родины.

– Устройство мощное, – продолжила она, утверждая, а не спрашивая.

Главная страшилка – что однажды в руки того, кто питает к Штатам искреннюю ненависть, попадет ядерное оружие. Вот она – та тень, которая скрывала ее профессию от всего мира, которая делала ее настолько важной, пусть простые люди и не хотели верить в ее существование.

И подобное случалось – даже не раз. Такие, как она, не позволяли ситуации превратиться в масштабные трагедии. Этаким компромисс: небольшой кошмар взамен чудовищной резни.

Карстон покачал головой, и взгляд его светлых глаз вдруг стал затравленным. Кейси внутренне содрогнулась, осознав, что речь идет о втором из двух самых страшных вариантов.

– Оно биологическое, – выговорила Кейси одними губами.

Ответом послужило мрачное выражение лица Карстона.

Кейси опустила взгляд, мысленно распределяя все его ответы в два столбца в списке возможных исходов.

Первый: Карстон – талантливый лжец и намеренно выдает информацию, которая, по его мнению, заманит ее туда, где уже готовы избавиться от Джулианы Фортис раз и навсегда. Он выдумывает все на ходу, стараясь надавить на самые больные места.

Второй: кто-то обладает биологическим оружием массового поражения, и департамент не представляет, где и когда его применят. Но знает, кто располагает этими данными.

Свою роль сыграло и тщеславие. Кейси прекрасно знала себе цену. То, что они так и не сумели найти ей замену, вполне могло быть правдой.

И все же она сделала бы ставку на первую версию.

– Джулс, я не хочу твоей смерти, – тихо произнес Карстон, угадывая ее мысли. – Иначе бы не стал выходить на связь. Не стал бы искать встречи. Хотя бы потому, что уверен: у тебя в рукаве как минимум шесть способов лишить меня жизни, и ты имеешь на это полное право.

– Правда думаешь, что я бы явилась всего с шестью?

Карстон на мгновение нахмурился, но потом решил рассмеяться.

– Вот и я о чем. У меня нет никакого желания умирать, Джулс. Я говорю тебе правду.

Он взглянул на медальон на ее шее, и Кейси сдержала улыбку.

– Предпочла бы обращение «доктор Фортис». – Она вернулась к прежнему беззаботному тону. – Думаю, времена прозвищ уже прошли.

– Я не прошу тебя о прощении. Я должен был хоть как-то повлиять на ситуацию.

Она вновь кивнула – не соглашаясь, но поддерживая беседу.

– Я прошу тебя помочь мне. Вернее, не мне. Помочь невинным людям, которые погибли, если ты этого не сделаешь.

– Если они и умрут, то не из-за меня.

– Знаю, Джу... доктор. Знаю. Из-за меня. Но им уже будет все равно, кто виноват. Они погибли.

Она выдержала пристальный взгляд Карстона, упрямо отказываясь моргать первой. Выражение его лица стало еще мрачнее.

– Хочешь знать, что с ними произойдет?

– Нет.

– Даже для тебя это может быть чересчур.

– Сомневаюсь. Но на самом деле не имеет значения. Что может быть – вопрос второстепенный.

– Интересно, что же важнее жизнью сотен тысяч американских граждан?

– Прозвучит эгоистично, но для меня все перевешивает собственная возможность дышать.

– Мертвой ты нам не поможешь, – без обиняков сказал Карстон. – Мы усвоили урок. Ты нам понадобишься и в будущем. Мы не допустим ту же ошибку снова.

Ей было ненавистно вот так вестись, однако она все сильнее склонялась ко второму варианту. Слова Карстона действительно имели смысл. Она и сама была свидетелем того, как меняется политика департамента. Что, если это правда? Можно и дальше изображать безучастность, но Карстон ее слишком хорошо знал. Ей будет тяжело жить с мыслью, что она могла предотвратить катастрофу подобного масштаба. Вот так ее когда-то и вовлекли в, наверное, худшее занятие на Земле.

– Думаю, материалы ты с собой не захватил, – произнесла она.

Глава 3

Сегодня ее звали Алекс.

Ей было необходимо убраться из Вашингтона, и в итоге она оказалась в северной части Филадельфии, в небольшом мотеле – одном из череды выстроенных вдоль федеральной трассы. Преследователю пришлось бы потратить немало времени на проверку каждого, даже если он сумел бы сузить область поиска до этой части города. Алекс ведь не оставила никаких следов, что могли бы привести его в сам штат Пенсильвания. И все же спать она собиралась в ванне.

В крошечной комнате не было стола, поэтому Алекс разложила документы на постели. Ради того, чтобы хотя бы взглянуть на них, ей пришлось порядком потрудиться. Нельзя же просто попросить Карстона: вышли их экспресс-почтой.

Информация готова, сообщил Карстон, надеясь, что Алекс с ним встретится, и он ей все передаст. Она настояла на бумажных копиях, на что он согласился, и дала ему указания.

Сложность заключалась в том, как замести все следы.

Например, Алекс не могла сказать Карстону бросить документы в мусорную урну и нанять человека, который их достанет и передаст ей – за урной слишком легко проследить. Наблюдатели тут же засекут курьера. Тот доставит бумаги в другое условленное место, однако Алекс там уже будут ждать. Требовалось вывести пакет из поля зрения преследователей, сделать рокировку.

Поэтому Карстон оставил коробку с документами на регистрационной стойке отеля «Брейскотт». Мистер Грин уже был наготове. Он полагал, что Карстон – друг, который выкрал фамильные ценности Алекс у ее жестокого бывшего, и тот теперь наверняка преследует Карстона. Мистер Грин дал ей код удаленного доступа, чтобы Алекс смогла следить за всем через камеры наблюдения, находясь в интернет-кафе в нескольких милях от отеля. Карстон просто оставил коробку и ушел. Однако, даже если камеры не засняли ничего подозрительного, это не значило, что Карстона никто не сопровождал. Управляющий выполнил все инструкции четко – наверняка потому, что за ним наблюдали. Коробка отправилась в прачечную на служебном лифте, а оттуда – в тележку горничной, которая доставила ее в нужный номер. Посыльный с велосипедом, получивший ключ-карту и пятьсот долларов, спрятал посылку в неприметный черный чемодан, а затем отправился в путь объездными дорогами, согласно указаниям, которые получил по дешевому предоплаченному телефону (от него Алекс уже избавилась) и, наконец, передал свою ношу озадаченному сотруднику копицентра, расположенного через дорогу от того самого интернет-кафе.

При удачном раскладе наблюдатели до сих пор ждали, когда Алекс появится в отеле. А если они не настолько глупы, то даже вдесятером не сумели бы проследить за всяким, кто оттуда выходит. К тому же угнаться за курьером им было бы не так уж просто. Оставалось лишь скрестить пальцы и надеяться, что никто не следит.

Действовать приходилось быстро. Следующий час был наиболее опасной частью плана.

В материалах, конечно же, прятался какой-нибудь «жучок». Алекс сразу сказала Карстону, что проверит посылку, однако он мог догадаться, что необходимого оборудования у нее попросту нет. Она как можно быстрее сделала цветные копии. Ушло пятнадцать минут – слишком долго. Копии она положила в чемодан, а оригиналы – в бумажный пакет, который ей дала девушка на кассе. Коробка полетела в ближайшую урну.

На счету была каждая минута. Алекс села в такси и, попросив водителя ехать в менее благополучную часть Вашингтона, принялась искать подходящее уединенное место. Не имея возможности выбирать, она попросила водителя остановить машину у сомнительного переулочка и подождать. Водитель наверняка запомнит это, но что поделать. За ней уже могут наблюдать.

Она поспешила к тупику – ну просто идеальная для ее врагов ловушка! – и шагнула за мусорный контейнер, где тут же расчистила клочок разбитого асфальта.

За спиной кто-то пошевелился, и Алекс мгновенно развернулась, машинально нащупывая в широком черном поясе тонкий шприц.

С противоположной стороны переулка на нее удивленно пялился лежащий на подстилке из картона и тряпок мужчина. При этом он молчал и явно не собирался вставать. Раздумывать о том, что же он увидит, не было времени. Наблюдая за бездомным краем глаза, Алекс занялась пакетом с оригиналами документов. Она вытащила бутылочку в форме лимона и вылила содержимое в пакет. Запахло бензином. Выражение лица бездомного не изменилось. Алекс чиркнула спичкой.

Она с мини-огнетушителем в руках внимательно следила за пламенем. Бездомному же зрелище наскучило. Он повернулся спиной.

Алекс дождалась, пока вся бумага не прогорела дотла. Она пока не представляла, что содержится в документах, но знала – информация конфиденциальна. С иными проектами Алекс не работала. Она растерла пепел по асфальту – теперь уж точно ни кусочка не осталось, – а затем бросила пять долларов бездомному мужчине и побежала обратно.

Потом сменила еще несколько такси, дважды спускалась в метро и прошла пару кварталов пешком. Она не знала наверняка, оторвалась ли от «хвоста». Очередное такси доставило ее в городок Александрия, где она в третий раз арендовала машину на третью новенькую кредитку.

И теперь, уже на окраине Филли, в дешевом номере мотеля, где даже тяжелый запах освежителя не мог перебить застарелую табачную вонь, она устала на разложенные на постели аккуратные стопки документов.

Объект звали Дэниел Небекер Бич.

Двадцать девять лет. Светлокожий, высокий, среднего телосложения, волосы каштановые, слегка волнистые и довольно длинные – последнее почему-то удивило, но, наверное, Алекс просто слишком привыкла иметь дело с военными. Глаза оливковые. Место рождения – Александрия. Родители – Алан Джеффри Бич и Тина Энн Бич, урожденная Небекер. Брат, Кевин, на полтора года старше. Большую часть детства прожил в Мэриленде, за исключением двух последних школьных лет, когда семья переехала в Ричмонд, штат Виргиния. Окончил Таусонский университет, получив специальность школьного учителя и филолога. Через год потерял обоих родителей в автокатастрофе. Погиб и сбивший их водитель – показатель алкоголя в его крови был 2,1 промилле. Через пять месяцев после похорон старшего брата осудили по делу о наркотиках – изготовление метамфетамина и продажа его несовершеннолетним – и отправили отбывать девятилетний срок в исправительное учреждение Висконсина. Еще через год Дэниел женился, прожил в браке два года. Бывшая супруга тут же вновь вышла замуж и родила от нового мужа, адвоката, уже через шесть месяцев после свадьбы. Подробности легко читались между строк. В тот же год брат погиб в тюремной драке. Длинная черная полоса.

Сейчас Дэниел преподавал историю и английский старшим классам школы, расположенной в неблагополучной, по мнению большинства, части Вашингтона. Он также тренировал женскую волейбольную команду и курировал ученический совет. Два года подряд, по итогам голосования среди учеников, получал награду «Учитель года». Последние три года после развода каждое лето работал в благотворительной организации «Среда обитания для человечества», сначала в мексиканском штате Идальго, потом в египетской мухафазе Эль-Минья. Лето третьего года он провел в Мексике и Египте.

Ни одной фотографии погибших родителей и брата. Единственный снимок бывшей – официальный свадебный портрет пары. На переднем плане – темноволосая красавица-невеста. Дэниел стоял за ней, словно случайная тень, хотя его улыбка была куда искреннее застывшего выражения ее лица.

По мнению Алекс, досье следовало дополнить, однако она понимала, что со своей дотошностью иногда ожидает слишком многого от менее помешанных на деталях аналитиков.

На первый взгляд Дэниел был абсолютно чист. Выходец из приличной семьи – преступления старшего брата, которые привели к его же гибели, вполне можно понять в свете трагической смерти родителей. Пострадавшая сторона в разводе – типичная история, когда супруга «учителя по призванию» вдруг осознает, что на его зарплату не пощикуешь. Любимец подростков из неблагополучных семей. Альтруист в свободное время.

В досье не отмечалось, что именно впервые привлекло внимание департамента, однако стоило им копнуть чуть глубже, как наружу просочились темные дела.

Похоже, все началось в Мексике. Наблюдения за Дэниелом еще не велось, поэтому цепочку событий восстанавливали по цифрам банковских счетов. Бухгалтеры-криминалисты сумели составить подкрепленную документами историю. На счет Дэниела, где после развода болталась от силы пара сотен, вдруг поступили десять тысяч. И еще столько же через несколько недель. К концу лета там было уже шестьдесят тысяч. Дэниел вернулся в Штаты, вышел на работу, и деньги испарились. Может, сделал первый взнос за новенькую квартиру? Купил крутую тачку? Подтверждений нет. Следующее лето, Египет – на счету никаких поступлений. Может, выиграл в казино? Получил наследство?

Подобный эпизод не привлек бы внимания без конкретной наводки, хотя данных о ней Алекс так и не нашла. И даже в таком случае какой-то финансовый аналитик явно работал сверхурочно или же слишком маялся от скуки – несмотря на отсутствие срочности, он, словно ищейка, выследил изначальные шестьдесят тысяч и обнаружил их на недавно открытом счету на Каймановых островах. Вместе с очередной сотней тысяч.

Тогда имя Дэниела впервые попало в список. Не к ЦРУ, ФБР или АНБ – а к Службе внутренних доходов, причем даже не на верхние строчки. Он был просто человеком, к которому стоит повнимательнее присмотреться.

Алекс на мгновение задумалась, как же на Дэниела повлияла смерть брата. Судя по данным, он часто навещал своего единственного родственника в тюрьме. Жена уходит к другому, брат умирает. Да уж, такое вполне может подтолкнуть к темной стороне.

Деньги все поступали, причем в таких количествах, что позволяли сразу отместить версии, что он наркокурьер или дилер. Ни тем ни другим столько не платили.

Затем деньги начали перемещаться между банками разных стран – Карибы, Швейцария, Китай и обратно, – и отследить их стало труднее, однако в общей сложности на имя Дэниела Бича поступило примерно десять миллионов долларов. Возможно, он был подставным лицом, благодаря которому некто скрывал собственные активы, но плохие парни, как правило, не доверяли подобные суммы в руки ничего не подозревающих учителей.

Так как же Дэниел заработал эти деньги?

Конечно, теперь все его контакты отслеживали, и наблюдение дало плоды. На зернистом черно-белом снимке камеры у парковки около мотеля, где в Мехико жил Дэниел Бич, засветился некий Энрике де ла Фуэнтес.

Алекс вышла из игры несколько лет назад, поэтому имя ей ничего не говорило. Даже если бы она до сих пор работала на департамент, ей вряд ли бы достался «клиент» подобного типа. Ей временами приходилось иметь дело с картелями, однако из-за наркотиков никогда не поднимали такую панику, как из-за возможных войн и террористических атак.

Де ла Фуэнтес – наркобарон, а наркобароны, даже идущие к власти по головам, редко привлекали внимание ее департамента. Обычно правительству США плевать на их разборки, пусть хоть поубивают друг друга, ведь подобные происшествия не влияли на жизнь среднестатистического американца. Дилеры не стремятся убивать клиентуру. Это плохо отражается на бизнесе.

За все годы службы, несмотря на допуск к самой засекреченной информации, Алекс ни разу не слышала, чтобы наркобароны интересовались оружием массового поражения. Правда, если речь идет о немалой выгоде, нельзя исключать ни один вариант.

Однако «извлечь выгоду от продажи» и «запустить обратный отсчет бомбы» – это абсолютно разные вещи.

В середине девяностых де ла Фуэнтес, мягко скажем, силой захватил власть в среднего размера колумбийской группировке и попытался закрепиться на наркорынке около южной границы штата Аризона. Но всякий раз ему препятствовал соседний картель, занявший границу между Техасом и Мексикой. Де ла Фуэнтес утратил терпение и принялся искать все более нестандартные способы избавиться от противников. А затем обрел союзника.

Алекс втянула воздух сквозь зубы.

Следующее имя она знала – и ненавидела. Стране хватало и атак извне. Люди, которые имели счастье родиться в свободном и демократическом государстве, а затем использовали свое положение против него же, вызывали у Алекс глубочайшее отвращение.

Эта местная террористическая группировка носила несколько имен. Департамент называл их «Змея» – благодаря татуировке их покойного главаря и строке из «Короля Лира». Алекс была в числе тех, кто помог предотвратить несколько крупных терактов, но тот, который террористам удалось совершить, до сих пор снился ей в кошмарах. В досье не упоминалось, кто первым вышел на контакт. Лишь то, что стороны сумели договориться. Если де ла Фуэнтес выполнит свою часть сделки, он получит достаточно денег, людей и оружия для захвата более крупного картеля. А террористы добьются своего – Америка погрузится в хаос и разрушение, о которых они мечтали.

Дело плохо.

Ведь что может вызвать хаос эффективнее, чем искусственно созданный смертельный вирус гриппа? Особенно тот, что находится под твоим контролем.

Алекс сразу увидела, где закончилась часть аналитиков и доклад продолжили разведчики. Картина сразу стала яснее.

Разведка дала вирусу название ТСХ-1. В документах не было пояснения, как расшифровать аббревиатуру, и даже профильное медицинское образование не помогло Алекс понять, что же скрывается за этими буквами. Правительство знало о существовании супергриппа ТСХ-1, однако полагало, что вирус уничтожили во время спецопераций в Северной Африке: лаборатория разрушена, причастные к работе лица задержаны (в большинстве казнены). Больше о ТСХ-1 не было слышно.

До тех пор пока несколько месяцев назад он не появился в Мексике. Вместе с запасом спасительной вакцины, входящей в состав нового синтетического наркотика.

Постепенно начинала болеть голова – в левый глаз будто раз за разом вонзалась раскаленная иглолка. Видимо, нескольких часов сна после заселения в мотель было недостаточно. Взяв косметичку, которая лежала у раковины, Алекс достала четыре таблетки «мотрина» и проглотила, не запивая. И тут же вспомнила, что в желудке совершенно пусто, и лекарство явно прожжет в нем дыру. Впрочем, она всегда хранила в сумке запас протеиновых батончиков и поспешно сжевала один, вернувшись к чтению.

Террористы понимали, что находятся под постоянным наблюдением, поэтому снабдили де ла Фуэнтеса лишь информацией. Он должен был предоставить человека – желательно безобидного и неприметного.

И тут на сцену выходит учитель.

Судя по данным, которые кропотливо собрали лучшие аналитики, славный парень Дэниел Бич отправился в Египет и добыл для алчного неуравновешенного наркобарона вирус

ТСХ-1. И этот Дэниел явно до сих пор в деле. Из собранных доказательств следовало, что именно он и распространит вирус в Америке.

Вдыхаемый синтетический наркотик, содержащий вакцину, уже продавался. Ценным клиентам ничего не угрожало. Может, в этом и заключалась вторая часть плана. Даже самому больному на голову наркобарону приходилось помнить о денежном вопросе. Вероятно, те, кто не употреблял наркотики, узнают о способе спастись... и к дилерам хлынет поток новых отчаявшихся клиентов. Дэниел Бич уже без сомнений вакцинирован. Распространить вирус – задача довольно простая. Достаточно мазнуть зараженным ватным тампоном по поверхности, к которой постоянно прикасаются, – по дверной ручке, по прилавку, по клавиатуре. Даже не придется намеренно заражать многих людей – вирус сам распространится со скоростью лесного пожара. Для начала хватит всего нескольких больных в Лос-Анджелесе, Финиксе, Альбукерке и Сан-Антонио. В каждом из этих городов Дэниел уже забронировал гостиничные номера. Его смертоносная поездка – он якобы намеревался заранее посетить другие строительные площадки «Среды обитания» для грядущей осенней школьной поездки, – начнется через три недели.

«Змея» и де ла Фуэнтес готовились совершить самый разрушительный теракт в истории США. И если де ла Фуэнтес уже на самом деле обладал и убийственным вирусом, и вакциной, то их замысел вполне мог осуществиться.

Карстон не обманывал. То, что ей поначалу казалось лишь отличной игрой, попыткой вызвать сострадание, на самом деле было его удивительной способностью держать себя в руках. Из всех возможных бедствий, данные о которых ложились ей на стол – в те времена, когда она располагала такой роскошью, как стол, – это было одним из самых серьезных, а ведь Алекс повидала немало. Она однажды сталкивалась с биологическим оружием с подобным разрушительным потенциалом, однако оно так и не покинуло пределов лаборатории. А здесь – вполне выполнимый план уже в действии. И речь шла отнюдь не о сотнях тысяч жертв. Пока центры по контролю и профилактике заболеваний сумеют остановить эпидемию, их количество, вероятно, достигнет миллиона. Карстон знал, что Алекс это поймет. Он намеренно преуменьшил масштабы катастрофы, чтобы рассказ прозвучал реалистичнее. Иногда правда хуже вымысла.

Ставки оказались куда выше, чем ожидала Алекс. Осознавая это, она уже не могла так легко оправдывать собственную игру, ставки в которой были совсем невысоки. Имела ли она вообще право столь рьяно спасать свою шкуру перед лицом такой страшной угрозы? В разговоре с Карстоном она ни мгновения не колебалась, но не подозревай она, что его рассказ – ловушка, разве стала бы раздумывать?

Если Дэниел Бич исчезнет, де ла Фуэнтес поймет, что его вычислили. Вероятно, это вынудит его действовать не по плану, а на опережение. Дэниел должен заговорить, и быстро. А потом вернуться к обычной жизни на виду, чтобы наркобарон с манией величия не дергался до тех пор, пока с ним не разберутся хорошие парни.

Когда Алекс только начинала, в ее стандартную программу входило ненадолго отпускать объект на волю. В этом заключалась основная часть ее работы. Считалось, что Алекс лучше всех добывает информацию, не причиняя объекту вреда. До нее лучшим – и единственным на подобной должности – был Барнаби. ЦРУ, АНБ и большинство подобных госструктур располагали собственными группами спецов для допроса объектов, от которых потом избавлялись. Со временем, когда Алекс доказала свое превосходство даже над ведущими представителями таких групп, она оказалась нарасхват. Да, другие структуры предпочитали справляться собственными силами и не распространять информацию, однако результаты говорили сами за себя.

Алекс вздохнула и вновь сосредоточилась на нынешней ситуации. На подушках в изголовье кровати лежали одиннадцать фотографий Дэниела Бича. Что-то не сходилось. На ранних снимках он был похож на бойскаута, кудрявого и невинного, и едва ли не лучился добрыми

намерениями. На снимках разведки лицо оставалось тем же, а вот все прочее выглядело совершенно иным. Волосы постоянно скрыты под капюшоном или кепкой (как часто поступала и Алекс), манера держаться стала агрессивнее, а выражение лица – холодным, профессионально сосредоточенным. Алекс уже имела дело с профи. На них уходило больше времени. Может, не одни выходные. Алекс взглянула на два одинаковых и одновременно не похожих друг на друга лица, задумавшись, не страдает ли Дэниел психическим расстройством. Или же она видит просто развитие личности, от чьей невинности не осталось и следа?

Это, конечно, неважно – пока.

Головная боль уже буквально ввинчивалась в череп через глазницу, однако причиняло ее отнюдь не многочасовое чтение. Нет, источником боли было решение, которое Алекс предстояло принять.

Она собрала документы и сунула их в чемодан. Смертному приговору десятой части населения юго-запада Америки придется провести несколько часов на заднем сиденье.

Алекс села не в тот автомобиль, на котором выехала утром. Прежде чем зарегистрироваться в мотеле, она вернула арендованную машину в Балтиморе, затем отправилась на такси в Йорк, штат Пенсильвания. Водитель высадил ее в нескольких минутах ходьбы от дома, где проживал некий Стаббинс. Он, если верить объявлению на сайте «Крейгслист», продавал свою трехлетнюю «Тойоту Терцел». Представившись как Кори Говард, она расплатилась наличными и выехала в Филли на только что купленной машинке. Такой след, конечно, могли отследить, однако преследователю пришлось бы изрядно попотеть.

Отъехав на несколько миль от мотеля, она присмотрела маленькую, но людную забегаловку. Причин выбрать именно это место было две. Во-первых, в толпе легче затеряться. Во-вторых, судя по спросу, кормили там сносно.

Все столики оказались заняты, поэтому Алекс села у небольшой барной стойки. Стена напротив была зеркальной, так что Алекс могла следить за входом и окнами, не оборачиваясь. Удачное место. Она заказала бургер, луковые кольца и шоколадный коктейль. Все оказалось очень вкусным. На время еды Алекс отключила мозг. За последние девять лет она отлично научилась заглушать почти любые мысли. А пока она ела и наблюдала за людьми, головная боль из острой превратилась в тупую, пульсирующую. Затем «мотрин» все же победил и заглушил ее полностью. На десерт Алекс заказала кусочек пирога с пеканом, хотя уже была сыта и смогла лишь поковырять его вилкой. Она тянула время. Как только обед подойдет к концу, ей придется принять решение.

В машине, словно улучив момент, боль вернулась, став чуть менее резкой. Алекс покосилась по тихим улочкам, где легко заметить, не увязался ли следом «хвост». Небольшой пригород был темным и безлюдным. Спустя несколько минут Алекс повернула ближе к самому городу.

Она по-прежнему разделяла варианты исхода на две колонки.

Первая – Карстон врал, чтобы убить ее, – казалась все менее правдоподобной. Однако необходимо оставаться начеку. История могла быть выдуманной от начала и до конца. Улики, данные нескольких контор, написанные в разных стилях отчеты, фотографии со всего мира – все это, вероятно, тщательно подготовленная ловушка. Правда, не очень-то надежная, ведь Алекс могла попросту отказаться и свалить.

Но зачем Карстону собирать столько информации, если он надеялся договориться о встрече заранее? Алекс с легкостью убили бы и без всей этой показухи. Если объект уже держат на прицеле и ты ждешь, что его мозги растекутся по тротуару прежде, чем папка будет открыта, хватило бы и стопки девственно-чистых листов. Насколько быстро в департаменте набросали такое досье? Алекс ведь приехала раньше условленного и не оставила Карстону времени на подготовку. Кто же тогда Дэниел Бич? Человек из департамента? Или ничего не подозрева-

ющий гражданский? Они ведь должны понимать, что Алекс в состоянии проверить хотя бы часть информации.

В последнем документе они предлагали план действий. Через пять дней, с Алекс или без, Дэниела задержат во время регулярной пробежки субботним утром. Никто его не хватится до начала школьной недели в понедельник. В любом случае, все обставят так, будто он просто решил ненадолго уехать. Если Алекс им поможет, то у нее будет два дня, чтобы получить необходимую информацию, а затем она может отправиться на все четыре стороны. Они надеялись, что Алекс согласится поддерживать некий контакт – посредством электронной почты для экстренной связи, соцсетей, да хоть газетных объявлений.

А если Алекс откажется, им придется справляться собственными силами. Однако попытки добыть информацию и не покалечить объект наверняка займут много времени... слишком много времени. Думать о том, какой ценой обойдется провал, было страшно.

Она едва сдерживала возбуждение при мысли обо всех ее любимых игрушках, которые ждут в лаборатории. Оборудование, которое не достать в обычном мире. ДНК-секвенсор и амплификатор. Уже извлеченные антитела, которыми можно будет тихонько набить карманы, если все это не подстава. Конечно, если Карстон не лжет, то ей больше и красть не придется.

Она задумалась, каково это, снова спать в постели. Не таскать на себе полный набор токсинов. Использовать одно и то же имя. Взаимодействовать с людьми так, чтобы никто не умирал.

«Не рассчитывай на подобное, – сказала она себе. – Не позволяй мечтам поселиться в голове и повлиять на здравомыслие. Не иди на поводу у глупой надежды».

Какими бы приятными ни были грезы, попытки воспроизвести путь к их достижению приводили ее в тупик. Она не могла представить, как вновь проходит сквозь сверкающие стальные двери туда, где в мучениях умер Барнаби. Разум отказывался воплощать эту сцену.

Жизни миллионов людей были весьма весомым аргументом, однако во многом оставались лишь теорией. Алекс не знала, что же сможет заставить ее все-таки шагнуть в те двери.

Значит, придется идти в обход.

Всего пять дней.

И уйма работы.

Глава 4

Операция заставит ее выпотрошить всю заначку.

Мысль навязчиво крутилась на периферии мозга. Если через неделю она все еще будет жива, а взаимоотношения с департаментом останутся прежними, то настанет черед серьезных финансовых проблем. Три года подряд постоянно менять личность – удовольствие не из дешевых.

Вначале было сложно добыть наличные, которые можно спокойно тратить. Деньги у нее были – будущая зарплата как раз и привлекла ее при выборе работы, а до этого она получила приличную выплату по страховке после смерти матери. Однако если ты работаешь на обладающих немалой властью параноиков, которые наверняка отмечают в твоём личном деле даже то, что ты сменила марку зубной пасты, нельзя просто так снять средства со счета и спрятать их в коробку под кроватью. Если начальство не собирается ничего с тобой делать, так ты можешь дать ему повод. А если собирается – то теперь будет действовать на опережение. Можно, конечно, снять все деньги и тут же выехать из города, но как тогда платить за подготовительные меры?

Эту схему, как и многие другие, разработал Барнаби. И он не посвящал Алекс в подробности, чтобы защитить друга или друзей, чьей помощью собирался воспользоваться.

В кафетерии, расположенном несколькими этажами выше лаборатории, они с Барнаби обсудили – так, чтобы разговор было слышно – многообещающее предложение для вложения средств. Вернее, многообещающим его назвал Барнаби, пытаясь убедить в этом Алекс. Ничего необычного – подобные беседы наверняка велись и у кулеров с водой в обычных офисах. Она сделала вид, что поддалась на уговоры, и Барнаби громко пообещал все уладить. Она перевела деньги на счет инвестиционной фирмы – или же компании, которая оную напоминала. Через несколько дней средства – за вычетом пяти процентов «комиссии» друзьям Барнаби за потраченное время и риск – попали в банк в городе Талса, штат Оклахома, на счет некой Фредерики Ноубл. Уведомление об открытом счете ожидало ее в конверте без надписей, спрятанном в экземпляре «Экстранодальных лимфом» окружной библиотеки. Там же лежали водительские права Фредерики Ноубл, выданные в штате Оклахома, с фотографией Алекс.

Она не знала, где окажется заначка Барнаби. Не знала его новое имя. Она хотела покинуть город вместе с ним – ей уже тогда снились кошмары о беге и безбрежном одиночестве, – однако Барнаби считал это неразумным. Безопаснее разделить.

Больше вложений, больше конвертов. Еще несколько счетов на имя Фредди, а также счета и удостоверения Эллис Грант из Калифорнии и Ши Марлоу из Орегона. Документы всех трех личностей были надежными, если бы дело дошло до тщательной проверки. Когда департамент нашел ее в первый раз, Фредди оказалась раскрыта, поэтому теперь она вела себя куда осторожнее. Эллис и Ши пока ничто не угрожало. Она ими слишком дорожила, поэтому использовала как можно реже – и так, чтобы не запятнать какими-либо связями с доктором Джулианой Фортис.

Еще она начала покупать ювелирные украшения – ценные, но небольшие по размеру. Например, канареечные бриллианты, которые, на ее взгляд, ничем не отличались от простых желтых сапфиров, но стоили в десять раз дороже прозрачных. Массивные цепочки и тяжелые кулоны из чистого золота. Несколько отдельных камешков – их она якобы собиралась вставить в оправу. Пусть вновь продать все это удастся лишь за полцены, зато драгоценности проще перевозить, да и обменять на наличность можно без лишнего шума.

Позвонив из телефона-автомата, Фредди Ноубл арендовала небольшой домик у окраины Талсы. Домиком владел замечательный старичок, который с радостью согласился помочь с доставленными по почте коробками. В них было все, что ей понадобится, когда она перестанет

быть Джулианой Фортис, – начиная с полотенец и подушек и заканчивая россыпью драгоценных камешков, конденсаторами и перегонными колбами. Хозяин получал арендную плату и никак не комментировал отсутствие Фредди. Она пару раз туманно намекнула, что собирается порвать неудачные отношения с парнем – такой версии хозяину было достаточно. Необходимые вещи она заказывала по Интернету, используя библиотечные компьютеры и электронный ящик, который никогда не открывала на домашнем ноутбуке.

Она выполнила все, что было в ее силах, и принялась ждать сигнала Барнаби. И он действительно дал ей понять, что пора бежать – пусть и не так, как они планировали.

Теперь накопленные такими трудами деньги буквально утекали сквозь пальцы. Как будто она – избалованный ребенок, дорвавшийся до родительского капитала. Что ж, это последний большой загул в тщетной надежде обрести свободу, пообещала она себе. Она знала несколько способов заработать большие деньги, но все они опасны и связаны с рисками, на которые она шла крайне неохотно.

Иногда люди нуждались в услугах врачей, готовых нарушить закон. Некоторые всего лишь хотели, чтобы врач проконтролировал прием препарата, купленного в России или Бразилии и не одобренного Управлением по санитарному надзору. А другим было необходимо извлечь пули, но не в больнице, где тут же уведомили бы полицию.

Она то и дело появлялась в Сети. Несколько клиентов связывались с ней через последний электронный адрес, который теперь засвечен. Придется вернуться на уже знакомые форумы и восстановить старые контакты, стараясь не наследить больше необходимого. Задача предстоит сложная. Если департамент обнаружил письма, то теперь они все знают. По крайней мере, клиенты входили в ее положение. Большая часть работы, которую она для них выполняла, колебалась в пределах от полуполюгальной до полностью незаконной, так что исчезновениями и новыми именами их было не удивить.

Подпольная деятельность, разумеется, добавляла в ее и без того нелегкую жизнь новые опасности. Например, когда средней руки мафиозный босс, которому нравилось пользоваться ее услугами, решил, что ей стоит навсегда переехать в Иллинойс. Она попыталась рассказать Джои Джанкарди заранее продуманную легенду. Все-таки если мафия узнает, что реальная информация о ней стоит немалых денег, ее тут же выдадут. Однако он был, мягко говоря, непреклонен и убеждал, что под его защитой бояться нечего. В конечном счете ей пришлось разрушить свою почти налаженную жизнь в роли Чарли Петерсон и бежать. Возможно, члены мафиозной семьи до сих пор ее ищут, но это неважно. Когда речь заходила о кадрах и ресурсах, мафия и близко не могла сравниться с американским правительством.

А может, мафия и вовсе не стала тратить на нее время. В мире полно врачей, и ничто человеческое им не чуждо. Правда, если бы Джои Дж. знал ее настоящую специальность, то точно постарался бы всеми силами удержать такой ценный объект при себе.

Но, по крайней мере, он неплохо менял драгоценности на наличку. И экспресс-курс по травматологии ей не повредил. Вдобавок у подпольной работы имелся еще один плюс – никто особенно не переживал из-за неудач. Люди были готовы к смертям и не требовали компенсаций за халатность.

Думая о Джои, она всякий раз вспоминала и Карло Аджи. Не то чтобы друг, но... что-то вроде того. В то время они постоянно поддерживали связь. Несмотря на откровенно бандитский вид, Карло всегда обращался с ней тепло и ласково, как с младшей сестренкой. Поэтому то, что она ничем не смогла ему помочь, ранило ее куда сильнее, чем все прочее. Пуля попала в левый желудочек сердца. Карло скончался задолго до того, как его доставили к ней, однако Джои Дж. продолжал надеяться на чудо, ведь Чарли уже не раз его выручала. Когда Чарли объявила о смерти Карло, Джои отнесся к этому философски: «Карло был лучшим. Ну, где-то находишь, где-то теряешь». И пожал плечами.

Ей не нравилось вспоминать о Карло.

Она предпочла бы иметь в запасе еще несколько недель для размышлений о другом – как довести до ума схему, вычислить свои слабые места, усовершенствовать все необходимое, – однако у плана Карстона был четкий дедлайн. Поэтому ей пришлось поделить крайне ограниченное время, которым она располагала, между наблюдением и подготовкой рабочего пространства, и в результате она не сумела выполнить идеально ни то ни другое.

Наверняка за ней уже наблюдают – на случай, если она вновь решит действовать в одиночку. Ожидаемо, после столь раннего визита к Карстону. Но какой у нее остается выбор? Явиться на работу, как предложено?

Она уже увидела достаточно и могла поспорить, что сегодня Дэниел будет следовать тому же распорядку, как и в предыдущие три дня. Что-то в его почти неизменном прикиде – похожие джинсы, рубашки и пиджаки, которые лишь слегка отличались оттенками, – намекало, что в обычной жизни он – человек привычки. После занятий он всегда задерживался – беседовал с учениками, а также работал над планом следующих уроков. Затем закидывал на левое плечо рюкзак с папками и ноутбуком и покидал школу, помахав по пути секретарю. Проходил пешком шесть кварталов и в самый час пик – около 18.00 – нырял в метро, на котором ехал по Зеленой линии от станции «Конгресс-Хайтс» до «Коламбия-Хайтс». Там находилась его крошечная однокомнатная квартирка-студия, где он разогревал замороженный ужин и проверял работы учеников. Спать ложился около десяти; телевизор, судя по всему, не смотрел. Увидеть, чем же он занимался по утрам, было сложнее – жалюзи из ротанга становились почти прозрачными, когда в доме горел свет, но в лучах солнца просматривались плохо. В пять утра Дэниел выходил на пробежку, возвращался спустя час и через тридцать минут, с влажными после душа кудрями, выдвигался к расположенному в трех кварталах метро.

Два дня назад она как можно осторожнее проследила за Дэниелом во время утренней пробежки. Он явно был опытным – бежал ровно и быстро, а она, наблюдая, поймала себя на мысли, что жалеет о нехватке времени на такие упражнения. Она не любила бегать так, как это, казалось, нравится другим – ведь без машины, в которую можно тут же нырнуть, она ощущала себя незащищенной, – но бег был важен. Она заведомо слабее того, кого отправят по ее душу. На коротеньких ножках, конечно, далеко не убежишь, да и никакое боевое искусство не поможет одолеть профессионального киллера. А вот что могло ее спасти, так это выносливость. Если уловки помогут пережить момент нападения, то придется продержаться дольше, чем убийца будет ее преследовать. Умереть, запыхавшись и выбившись из сил из-за отсутствия должной подготовки, было бы глупо. Она не хотела так погибнуть, поэтому бегала при любой удобной возможности и делала те упражнения, для которых хватало места в ее скромных убежищах. И теперь она пообещала себе, что как только покончит с этой операцией, то найдет хорошее место для пробежек – с достаточным количеством отходных путей и укрытий.

А вот маршрут Дэниела – как и его квартира, и школа – совершенно не подходили для ее первого хода. Слишком очевидно. Проще всего было бы схватить его сразу после пробежки, усталого и рассеянного, но об этом догадываются и плохие парни. Они будут готовы. То же самое касалось пешего отрезка по пути к школе. Значит, метро. Достаточно очевидный вариант, однако никто не сможет отследить происходящее на всех линиях и станциях, одновременно наблюдая за остальными участками пути Дэниела.

В метро полно камер, но тут ничего не поделаешь. Спустя три года департамент все-таки получит миллион четких снимков ее лица. В нем мало что изменилось, на ее взгляд, однако в досье, несомненно, появятся новые сведения. Впрочем, вот и все. Работа в департаменте дала ей неплохое представление о том, как ловят людей – и подобная задача на деле оказывалась куда сложнее, чем показывали в среднестатистических сериалах про шпионов. Камеры в метро помогали поймать подозреваемого, но лишь после совершенного преступления. Действовать в режиме реального времени невозможно – для этого нет ни людей, ни ресурсов. Поэтому камеры сообщат лишь, где она *была*, а не будет, а без этих данных запись бесполезна. Все, что

они обычно позволяют вычислить – кто она, где получила информацию, каковы ее мотивы, – известно департаменту и так.

В любом случае, придумать менее рискованный вариант она не могла.

Сегодня ее звали Джесси. Она остановилась на деловом образе – черный костюм с такого же цвета футболкой под пиджаком и, конечно, кожаный пояс. Парик, но уже другой, более естественный – мышиного, светло-русого цвета, длиной до подбородка. Она завязала волосы простой черной лентой и надела очки в тонкой металлической оправе – они, не вызывая ощущения, что она за ними прячется, слегка изменяли форму ее скул и лба. Джесси знала, что симметричное лицо с мелкими чертами, как правило, не привлекает внимания. И в то же время она не выглядела настолько заурядно, чтобы ускользнуть от тех, кто ищет именно ее. Придется по возможности держать голову опущенной.

На этот раз Джесси взяла с собой портфель, а не сумку. Деревянные вставки переключались с ремешка на его ручку. Даже будучи пустым, портфель имел немалый вес благодаря металлическим накладкам, и им вполне можно было оглушить противника. Медальон, кольца, но не серьги. Предстояло таскать тяжести, а с серьгами это небезопасно. Обувные ножи, лезвия скальпелей, тубик «бальзама», разные спреи... почти полная экипировка. Однако сегодня это не придавало Джесси уверенности. Эта часть плана заставляла ее выйти далеко за пределы зоны комфорта. Она даже не представляла, что ей однажды придется похищать людей. За последние три года она и не думала о сценариях, которые не сводились или к убийству, или к побегу.

Проезжая по темным улицам, Джесси зевнула. Она совершенно не высыпалась, и так будет еще несколько дней. Она прихватила с собой пару веществ, которые не дадут заснуть, но ее предел – еще семьдесят два часа. И когда настанет это время, Джесси должна надежно спрятаться. Все же она надеялась, что до веществ дело не дойдет.

На дешевой парковке около аэропорта имени Рональда Рейгана было полно свободных мест. Джесси оставила машину поближе к остановке автобуса-шаттла, где предпочитало парковаться большинство людей, и дождалась автобуса. Этот аэропорт Джесси знала лучше любого другого. На нее вдруг накатило забытое ощущение уюта, которое часто возникает в хорошо знакомой обстановке. Подошла еще пара человек, оба уставшие и с багажом. На Джесси они не обратили никакого внимания. Автобус доставил ее к третьему терминалу, откуда она, запутывая следы, вернулась к станции метро по пешеходному мостику – пятнадцать минут быстрым шагом. Что хорошо в аэропортах – все ходят быстро.

Перед выходом Джесси размышляла, не надеть ли обувь на танкетке, чтобы изменить рост. Однако затем решила, что придется слишком много ходить – и, возможно, бегать, если что-то пойдет не по плану. И предпочла темные балетки.

Стараясь не поворачиваться лицом к камерам, Джесси влилась в толпу, следующую к платформе, и краем глаза оценила, к кому лучше присоединиться. Наблюдатели наверняка высматривают одинокую женщину. А компания – неважно, сколько человек – поможет скрыться куда лучше, чем макияж или парик.

Начиналась первая волна часа пик, и в метро спускалось все больше людей. Джесси выбрала трио из двух мужчин и женщины, одетых в темные костюмы и с портфелями. Благодаря остроносым туфлям на шпильках женщина с сияющими светлыми волосами возвышалась над Джесси на добрых девять дюймов. Протолкнувшись мимо других компаний, Джесси пристроилась между этой женщиной и стеной. Любой, кто станет рассматривать новообразованную четверку, первым делом обратит внимание на блондинку. Если он, конечно, не ищет Джулиану Фортис.

Компания Джесси целенаправленно прошла сквозь толпу к свободному месту у края платформы. Никто из них, казалось, не замечал идущую рядом невысокую девушку. В такой давке – неудивительно.

Пронесшийся мимо поезд резко остановился. Компания помедлила, выбирая менее забытый вагон. Джесси уже хотела было пойти одна, но блондинке, судя по всему, тоже не терпелось поскорее уехать, и она протолкнулась в третий вагон, на который они как раз смотрели. Втиснувшись следом, Джесси оказалась зажата между блондинкой и другой, более крупной женщиной, стоящей сзади. Пусть и неудобно, зато безопасно.

По желтой ветке они доехали до станции «Чайна-таун». Затем Джесси присоединилась к паре женщин, напоминающих то ли секретарей, то ли библиотекарей, в застегнутых на все пуговицы блузах и очках с оправой «кошачий глаз». С ними Джесси добралась до станции «Шоу – Ховард», наклоняясь в сторону брюнетки (той, что пониже) и якобы увлеченно слушая историю о прошлых выходных и свадебной гулянке, на которой – стыд и позор! – не оказалось бесплатной выпивки. На середине рассказа Джесси вышла из вагона и смешалась с толпой. Затем последовал быстрый разворот – она залетела в переполненный женский туалет и, тут же выйдя обратно, поспешила вместе с другой толпой к платформе. Теперь самое главное – четкий расчет времени. Примкнуть к компании больше не выйдет.

Раздался пронзительный вой прибывающего поезда, и сердце заколотилось, готовое выскочить наружу. Приготовившись, Джесси ощутила себя спринтером на низком старте, в ожидании выстрела сигнального пистолета. И содрогнулась от собственной метафоры – ведь выстрел действительно мог раздаться, вот только пистолет был бы направлен не в небо и заряжен настоящими пулями.

Поезд со скрежетом замер, и Джесси начала движение.

Она поспешила вдоль платформы, расталкивая пассажиров и высматривая в вагонах высокую длинноволосую фигуру. Вокруг было слишком много людей – они уклонялись от столкновения и то и дело закрывали обзор. Джесси пыталась мысленно перечеркивать крестиком каждого неподходящего человека. Не слишком ли быстро она движется?.. Или недостаточно быстро?.. Когда Джесси добралась до последнего вагона, состав уже тронулся. Она не могла быть уверена, что не пропустила Дэниела, однако, по ее расчетам, он все же должен ехать лишь следующим поездом. Джесси закусила губу. Если сейчас она упустит шанс, придется опять ловить Дэниела вечером, чего ей очень не хотелось. Чем ближе к моменту начала операции Карстона, тем опаснее.

Не задерживаясь на виду, Джесси поспешно шагнула к выходу.

Она вновь заглянула в женский туалет и притворилась, что поправляет макияж, которого на ней не было. Мысленно сосчитав до девяноста, Джесси опять влилась в поток, следующий к поездам.

Людей стало еще больше. Джесси заметила местечко около группы мужчин у дальнего края платформы и попыталась слиться с их черными пиджаками. Мужчины обсуждали акции и торги – вещи настолько далекие от жизни Джесси, что напоминали ей нечто из разряда научной фантастики. Когда объявили о прибытии поезда, Джесси уже была готова к новым поискам. Она обогнула брокеров и, как только состав остановился, пошла вдоль вагонов.

Джесси двигалась быстро, скользя взглядом по пассажирам. Женщина, женщина, старик, низкий, толстый, темный, лысый, женщина, женщина, ребенок, блондин... следующий вагон...

Он как будто помогал ей, словно был с ней заодно – стоял у окна и смотрел на платформу, высокий и длинноволосый. Заметный.

Подходя к открытым дверям, Джесси еще раз окинула вагон взглядом. Много людей в деловых костюмах – наемником департамента может оказаться любой. Однако она не заметила никаких очевидных признаков: ни чересчур широких для обычного костюма плеч, ни гарнитур в ушах, ни выпуклостей под пиджаками, ни обмена взглядами. Ни на ком не было солнцезащитных очков.

«А вот и момент, – думала Джесси, – когда нас обоих упакут и увезут в лабу. Если это, конечно, не подстава, и Дэниел с его невинными кудряшками не один из них. Может, он меня и

застрелит. Или зарежет. Или меня попытаются вывести из поезда и прикончат без свидетелей. Или вырубят и сбросят на рельсы. Но если вся эта история – правда, то мы оба нужны им живыми. И они поступят со мной так же, как я сейчас – с Дэниелом. Меня отвезут в лабу, а шансы выбраться оттуда... не радуют».

Двери вагона закрылись, и в голове Джесси замелькали тысячи исходов. Она быстро встала за Дэниелом и взялась за тот же поручень, чуть ниже его более бледных и длинных пальцев. Ее сердце словно оказалось в тисках крепкого кулака – и чем ближе она оказывалась к объекту, тем сильнее становилась боль. Дэниел ничего не замечал – он с отсутствующим видом смотрел в окно. Его взгляд остался прежним, даже когда поезд въехал в туннель, и в стекле отразился вагон. Никто из пассажиров так и не двинулся в их сторону.

Джесси никак не могла рассмотреть в Дэниеле Биче другого парня – того, кто был на фотографиях из Египта и Мексики; кто прятал волосы и двигался агрессивно-самоуверенно. Стоящий перед ней задумчивый мужчина казался похожим на поэта-иностранца. Должно быть, он великолепный актер... или же настоящий псих с раздвоением личности. С таким Джесси еще не сталкивалась.

Она напряглась, когда поезд начал приближаться к станции «Чайна-таун». Вагон качнуло, и Джесси едва не налетела на Дэниела Бича, но успела покрепче сжать поручень.

Вагон покинули трое, пара мужчин в костюмах и женщина в юбке, однако на Джесси так никто и не взглянул. Все трое торопливо проскользнули мимо – наверное, опаздывали на работу. Далее в вагон вошли еще двое мужчин. Внимание Джесси привлек один из них – мощный, как спортсмен-профи, одетый в тренировочные штаны и толстовку, в единственном кармане которой он держал обе руки (и явно что-то еще, если, конечно, его кулаки не были размером с обувную коробку). Он прошел мимо Джесси, даже не взглянув на нее, к дальнему концу вагона и взялся за верхний поручень. Джесси краем глаза проследила за отражением в стекле, однако мужчина не проявил никакого интереса ни к ней, ни к ее объекту.

Дэниел Бич не пошевелился. Он был так поглощен своими мыслями, что Джесси неожиданно для себя почти расслабилась с ним рядом, словно он единственный, от кого не стоило ждать удара. Глупо. Даже если это не ловушка, даже если он действительно тот, о ком ей рассказали – в ближайшем будущем данный человек намеревался стать массовым убийцей.

Спортсмен вытащил из кармана пару больших наушников и надел их на голову. Шнур тянулся к карману. Скорее всего, подключен к телефону. Или нет.

Джесси решила сделать небольшую проверку.

Как только на следующей станции двери вновь открылись, она наклонилась поправить несуществующий отворот на брюках, а затем резко выпрямившись шагнула к выходу.

Никто не отреагировал. Спортсмен в наушниках даже не открыл глаза. Люди входили и выходили, но на Джесси никто не смотрел, никто не пытался преградить ей дорогу, не вскидывал неловко прикрытую пиджаком руку.

Если департамент знает, что она задумала, то позволяет ей продолжать.

Значит, все правда? Или они просто хотят ее в этом убедить? От попыток разгадать ход их мыслей разболелась голова. Поезд тронулся, и Джесси вновь обхватила пальцами поручень.

– Не ваша станция?

Джесси подняла взгляд. Ей улыбался Дэниел Бич – и эта улыбка, совершенно очаровательная и открытая, принадлежала самому популярному школьному учителю и активисту «Среды обитания».

– М-м... да. – Джесси моргнула, растерявшись. Что бы сказал обычный пассажир?.. – Я... э-э... просто на минутку забыла, где я. Перепутала станции.

– Держитесь. До выходных всего восемь или девять часов.

Дэниел снова ей улыбнулся – по-доброму. Джесси совершенно не нравилась перспектива дружеского общения с объектом, однако от Дэниела исходила такая нормальность – хотя он,

возможно, просто притворялся, – что ей стало проще играть собственную роль приветливой пассажирки, обычного человека.

А его замечание заставило Джесси невесело хмыкнуть. Ее рабочая неделя только началась.

– Было бы здорово, но выходные мне не светят.

Дэниел рассмеялся, а потом вздохнул.

– Сурово. Юриспруденция?

– Медицина.

– Еще хуже. Вас хоть иногда за хорошее поведение выпускают?

– Очень редко. Но ничего. Я все равно не любитель безумных вечеринок.

– Я и сам для них уже староват, – признал Дэниел. – О чем обычно вспоминаю каждый вечер часов в десять.

Джесси вежливо улыбнулась смеющемуся Дэниелу, стараясь скрыть изумление. В дружеской болтовне с тем, над кем ей предстояло работать, было нечто пугающее и опасное. Джесси никогда не общалась с объектами заранее. Чтобы оставаться беспристрастной, нельзя видеть в нем человека. Только монстра – и будущий миллион жертв на его счету.

– Хотя мне иногда нравится ужинать в каком-нибудь тихом местечке, – продолжил он.

– М-м... – рассеянно отозвалась Джесси. И только потом поняла, что Дэниел мог принять это за согласие.

– Привет, – произнес он. – Меня зовут Дэниел.

К своему удивлению, она забыла, каким именем сегодня нужно назваться, но пожала протянутую руку, отчетливо ощущая на пальце вес отравленного кольца.

– Привет, Дэниел.

– Привет?.. – Он вскинул брови.

– Эм... Алекс.

Это было пару имен назад. Ну и ладно.

– Приятно познакомиться, Алекс. Знаете, я еще никогда так не поступал, но... почему бы и нет? Я дам вам свой номер? Может, как-нибудь поужинаем в тихом местечке?

Она уставилась на него в немом изумлении. Он к ней подкатывает. К ней подкатывает мужчина. Нет, не просто мужчина. Без пяти минут массовый убийца, который работает на сумасшедшего наркобарона.

Или агент, который хочет усыпить ее бдительность?..

– Я вас напугал? Клянусь, я безобиден.

– Эм... нет, я просто... ну, меня еще никогда не приглашали на свидание в вагоне метро. Чистая правда. На самом деле, ее уже много лет никто никуда не приглашал.

– Вот и растерялась.

Тоже правда.

– Значит, поступим так. Я напишу свое имя и номер телефона на этой бумажке и отдам ее вам. А вы, когда доберетесь до своей станции, можете выбросить ее в первую попавшуюся урну, ведь мусорить нехорошо – и тут же обо мне забыть. Почти никаких проблем, только найти урну за пару секунд.

Говоря это, Дэниел улыбался, но не сводил глаз с обратной стороны квитанции, на которой простым карандашом записывал свои данные.

– Как мило с вашей стороны. Спасибо.

Дэниел поднял взгляд, продолжая улыбаться.

– Или можете не выбрасывать. А позвонить мне и провести несколько часов за приятной беседой, пока я вас угощаю.

Монотонный голос объявил станцию «Пенн Квотер», и Алекс ощутила облегчение. Потому что она чуть было не загрустила. Да, она проведет вечер в компании Дэниела Бича, но такое свидание не понравится ни ему, ни ей.

Грусть неуместна. Погибнет столько невинных людей. Дети, матери, отцы. Хорошие люди, которые не причинили никому зла.

– Сложный выбор, – тихо отозвалась она.

Поезд вновь остановился, и она сделала вид, что выходящий мужчина ее толкнул. Нужная игла уже была в ладони. Алекс «попыталась» ухватиться за поручень, чтобы не упасть, но якобы совершенно случайно вцепилась в руку Дэниела. Он вздрогнул от неожиданности.

– Ой. Простите, не хотела вас напугать.

Она отпустила его руку и незаметно спрятала крошечный шприц в карман блейзера. Ловкость – навык, который она тщательно оттачивала.

– Ничего страшного. Вы в порядке? Он вас так двинул.

– Да, все нормально, спасибо.

Состав пришел в движение. Дэниел резко побледнел.

– Эй, а у вас-то все хорошо? – спросила Алекс. – Вы побледнели.

– М-м, я... что?

Дэниел оглянулся, сбитый с толку.

– У вас такой вид, будто сейчас в обморок упадете. Простите, – обратилась Алекс к женщине, сидящей неподалеку, – не могли бы вы уступить место моему другу? Ему нехорошо.

Женщина закатила огромные карие глаза и демонстративно отвернулась.

– Нет, – произнес Дэниел, – не... не беспокойтесь обо мне. Я...

– Дэниел? – позвала Алекс.

Он немного покачнулся, бледный как смерть.

– Дайте руку.

Он смущенно повиновался. Алекс обхватила его запястье пальцами, поглядывая на часы и делая вид, что беззвучно считает.

– Медицина... – пробормотал Дэниел. – Вы врач.

Следующая часть почти совпадала со сценарием, и ей стало спокойнее.

– Да, и ваше состояние мне не нравится. Выйдете со мной на следующей станции, вам нужен свежий воздух.

– Нельзя. Школа... нельзя опаздывать.

– Я выдам вам справку. Не спорьте, я знаю, что делаю.

– Хорошо, Алекс.

«Ланфан-плаза» – одна из самых крупных и людных станций на ветке. Как только двери распахнулись, Алекс вывела его из вагона, придерживая за талию. Дэниел обхватил ее плечи рукой для опоры. Неудивительно. Трипамин, который Алекс ему ввела, дезориентировал людей, делал их уступчивыми, даже дружелюбными. Если не давить слишком сильно, Дэниел будет покорно за ней следовать. Препарат отдаленно напоминал группу барбитуратов, которые обыватели называли «сывороткой правды», а по действию был схож с экстази – точно так же снимал внутренние запреты и вызывал желание сотрудничать. Он нравился Алекс тем, что вызывал растерянность. Теперь Дэниел не способен принимать решения и будет выполнять все, что она ему скажет, пока действие препарата не ослабнет – или пока она не потребует от него нечто уж слишком выходящее за рамки зоны комфорта.

Благодаря их неожиданной беседе все прошло даже легче, чем Алекс надеялась. Она планировала тайком сделать укол, а потом разыграть традиционную сцену: «Здесь есть врач? Ах да, это же я!» Однако в таком случае Дэниел не был бы настолько послушным.

– Дэниел, как вы себя чувствуете? Как дыхание, не затруднено?

– Нет. Дышу нормально.

Алекс быстро вела его вперед. Препарат редко вызывал тошноту, однако случались исключения, поэтому она мельком проверила цвет лица Дэниела. Он был по-прежнему бледен, но губы еще не приобрели зеленоватый оттенок, предвещающий приступ рвоты.

– Не тошнит? – спросила Алекс.

– Нет. Я в норме...

– Боюсь, что нет. Я отвезу вас к себе на работу, если вы не против. Хочу убедиться, что вам ничто не угрожает.

– Ладно... нет. У меня школа...

Несмотря на свое состояние, Дэниел легко успевал за Алекс. Ну конечно – его ноги были в два раза длиннее.

– Мы расскажем им, что случилось. У вас есть номер школы?

– Да, Стейси... у нее в кабинете телефон.

Придется замедлить движение, но ничего не поделаешь. Дэниела нужно успокоить, чтобы он и дальше оставался послушным.

– Хорошая мысль.

Кивнув, Дэниел вытащил из кармана старенький «блэкберри» и стал неуверенно тыкать в кнопки. Алекс осторожно забрала телефон у него из рук.

– Какая у Стейси фамилия?

– Она записана как «Приемная».

– Вижу. Я наберу и отдам вам телефон. Скажите Стейси, что плохо себя чувствуете. И что идете к врачу.

Дэниел покорно взял аппарат и дождался ответа.

– Алло, – произнес он. – Стейси, это Дэниел. Мистер Бич, да. Что-то с самочувствием, иду к доктору Алекс. Простите. Неловко получилось. Извините. Спасибо. Да, поправлюсь, конечно.

Она слегка вздрогнула, услышав имя – скорее по привычке. Неважно. Просто какое-то время не будет использовать имя Алекс, вот и все.

Отрывать Дэниела от занятий было рискованно. Подобное не укроется от де ла Фуэнтеса, если он пристально следит за своим ангелом смерти. Однако наркобарон вряд ли забудет тревогу из-за одной пропущенной пятницы. И успокоится, когда в понедельник Дэниел вернется живым и здоровым.

Алекс вновь забрала телефон и сунула его в карман.

– Пусть у меня побудет, хорошо? Вы сейчас немного рассеяны, не хочу, чтобы вы его потеряли.

– Ладно. – Дэниел огляделся и, нахмурившись, уставился на высокий бетонный потолок. – Куда мы идем?

– Ко мне на работу, помните? Сейчас сядем в этот поезд. – В вагоне не было никого из тех, кто ехал с ними раньше. Если за ней и следят, то издалека. – О, свободное место. Присядьте, отдохните.

Алекс помогла Дэниелу опуститься, тайком уронив и подтолкнув ногой телефон под сиденье. Отследить телефон – самый легкий способ отыскать человека, и этой ловушки Алекс всегда избегала. Это ведь все равно что добровольно повесить на себя маячок.

Да и ей некому было звонить.

– Спасибо, – произнес Дэниел.

Он все еще держался за Алекс. Правда, сейчас он сидел, а она стояла, поэтому его рука лежала на ее талии. Он вдруг зачарованно уставился на Алекс и добавил:

– Вы такая красивая.

– Эм-м... спасибо.

– Очень.

Сидящая рядом женщина внимательно посмотрела на Алекс. *Великолепно*. Впрочем, увиденное женщину не впечатлило.

Дэниел прижался лбом к бедру Алекс и закрыл глаза. Такая близость тревожила ее по множеству причин, но одновременно почему-то и странным образом успокаивала. Пусть Дэниел и под препаратом, но к Алекс уже давным-давно никто так не прикасался. Однако спать ему еще было рано.

– Что вы преподаете, Дэниел?

Он слегка повернул голову, но не отстранился.

– В основном – английский. Мой любимый предмет.

– Серьезно? Мне с таким трудом давались гуманитарные науки. Зато я обожала точные. Дэниел поморщился.

– Точные!..

– Алкоголик, – пробормотала сидящая рядом женщина соседу с другой стороны.

– Зря сказал вам, что я учитель, – тяжело вздохнул Дэниел.

– Почему?

– Женщинам такое не нравится. Рэндалл говорит, никогда не выдавай эту инфу добровольно.

По его тону было ясно, что он процитировал совет дословно.

– Но профессия ведь благородная. Вы обучаете будущих докторов и ученых мирового масштаба.

Дэниел поднял на нее грустный взгляд.

– Но за это не платят.

– Не все женщины настолько меркантильны. Рэндалл, видимо, встречается не с теми.

– Моя жена любила деньги. Бывшая жена.

– Мне очень жаль.

Дэниел еще раз вздохнул и закрыл глаза.

– Она разбила мне сердце.

И снова укол жалости, грусти. Дэниел никогда бы не рассказал такое, если бы не смесь экстази с сывороткой правды. Его речь стала четче. Препарат по-прежнему действовал – это мозг Дэниела привыкал к новому состоянию.

Алекс легонько похлопала его по щеке.

– Если ее так легко купить, то и жалеть о ней, наверное, не стоит, – как можно веселее произнесла она.

Дэниел открыл глаза – нежно-оливкового, серо-зеленого цвета. Алекс попыталась представить их на лице самоуверенного мужчины в бейсболке, которого видела на фото с де ла Фуэнтесом... и не смогла.

Она не представляла, что делать, если он действительно страдает раздвоением личности. Такого в ее практике еще не было.

– Вы правы, – сказал он. – Да, я знаю. Мне нужно видеть в ней то, что есть, а не то, что я себе придумал.

– Именно. Мы сами выдумываем образы тех, с кем хотим быть, а потом пытаемся удержать реального человека в этих рамках. И результат не всегда утешителен.

Что за чушь. Алекс понятия не имела, что несет. За всю жизнь у нее были лишь одни недоотношения, да и те продлились недолго. Учеба для Алекс была важнее парня, как и потом, на протяжении шести лет, важнее всего прочего была работа. Как сейчас – возможность дышать. Алекс страдала излишним фанатизмом.

– Алекс?

– Да?

– Я умираю?

Она ободряюще улыбнулась.

– Нет. Иначе я вызвала бы «Скорую». Все будет хорошо. Просто хочу знать наверняка.

– Ладно. Вы будете брать кровь на анализ?

– Возможно.

Дэниел вздохнул.

– Не люблю иглы.

– Все будет хорошо.

Алекс совершенно не нравилось то, что ей неприятно его обманывать. Но эта наивная доверчивость, способность приписывать ей лучшие мотивы... Хватит.

– Спасибо вам, Алекс. Правда.

– Всего лишь делаю свою работу.

Не соврала.

– Вы мне позвоните? – с надеждой спросил Дэниел.

– Мы совершенно точно проведем вечер вместе, – пообещала она.

Если бы не препарат, Дэниел наверняка расслышал бы в ее голосе напряжение и увидел бы в глазах лед.

Глава 5

Остальное прошло весьма гладко... быть может, неспроста? Паранойя невыносимо зашкаливала, поэтому Алекс не понимала, стоит ли действительно беспокоиться и по этому поводу.

Около станции «Росслин» Дэниел послушно сел в такси. Алекс знала все его ощущения – они с Барнаби опробовали на себе большинство несмертельных препаратов, чтобы получить предельно четкое представление об их действии. Этот напоминал приятное сновидение, где все проблемы и тревоги решит кто-то другой. Оставалось лишь взять объект за руку и подтолкнуть в нужном направлении. Поэтому в своих заметках они называли препарат «Следуй за вожаком». В официальных отчетах он, конечно, получил более эффектное наименование.

Поездка оказалась настолько мирной, что Алекс даже могла бы ею насладиться. Если, конечно, ей не приходилось бы изо всех сил сдерживать эмоции.

Дэниел спросил, вернется ли он в школу к началу тренировки, и Алекс пришлось отвлечь его встречным вопросом о волейбольной команде. В результате Дэниел всю дорогу рассказывал о своих девчонках, пока Алекс не выучила их имена и сильные стороны в игре наизусть. Водитель, не обращая внимания, что-то неразборчиво напевал.

Большую часть пути Дэниел ничего не замечал, однако во время особенно долгой задержки на светофоре вдруг поднял голову и нахмурился.

- Как далеко находится ваша работа.
- Да, – согласилась Алекс. – Та еще поездочка туда-обратно выходит.
- А где вы живете?
- В Бетесде.
- Хорошее место. В отличие от Коламбия-Хайтс. По крайней мере, моей части района.

Машина тронулась. Алекс была довольна – все шло по плану. Даже если ее засекли у последнего поезда метро, то пусть теперь попробуют отследить одно из моря совершенно одинаковых такси в час пик. Подготовка иногда казалась ей магическим ритуалом. Словно достаточно тщательный план мог заставить события идти нужным тебе чередом.

Дэниел перестал болтать – действие препарата перешло во вторую фазу, и на него накатил усталость. Однако Алекс собиралась еще немного продержат его в сознании.

- Зачем вы дали мне свой номер? – спросила она, когда веки Дэниела начали опускаться. Он мечтательно улыбнулся.
- Никогда так не поступал.
- И я.
- Потом, наверное, будет стыдно.
- А если я позвоню, то не будет?
- Возможно. Не знаю, это совсем на меня не похоже.
- Тогда зачем вы так поступили?

Все это время Дэниел ласково смотрел ей в глаза.

- Вы красивая.
 - Да, вы говорили.
 - Я очень захотел увидеть вас снова. Это желание придало мне храбрости.
- Алекс нахмурилась, ощутив очередной приступ вины.
- Прозвучало слишком странно? – забеспокоился Дэниел.
 - Нет, очень мило. Немногие мужчины способны сказать женщине нечто подобное.

Дэниел изумленно моргнул.

- Обычно я бы и не сказал. Слишком... труслив.
- Мне вы показались весьма храбрым.

– Я чувствую себя как-то иначе. Думаю, из-за вас. Все началось, стоило мне увидеть вашу улыбку.

«Стоило мне тебя уколоть», – мысленно поправила Алекс.

– Какой комплимент, – произнесла она. – Вот мы и приехали. Можете встать?

– Конечно. Аэропорт?..

– Да, я здесь оставила свою машину.

Дэниел свел брови, но потом, видимо, что-то сообразил.

– Вы вернулись из поездки?

– Только прибыла в город, да.

– Я иногда путешествую. Люблю ездить в Мексику.

Алекс бросила на него внимательный взгляд. Дэниел смотрел вперед, под ноги, безо всякого беспокойства на лице. Однако, если подтолкнуть его к секретной информации, к любой опасной теме, покорность сменится подозрением. И он может соскочить с крючка, а затем прилипнуть к любому незнакомцу как к «вожаку» и скрыться. Может занервничать и привлечь лишнее внимание.

– А что вам нравится в ней больше всего? – осторожно спросила Алекс.

– Климат, жаркий и сухой. Моя любимая погода. Никогда не жил в действительно жарком месте, но, думаю, мне бы понравилось. Правда, я сильно обгораю на солнце. А вы, похоже, путешествовали под солнышком.

– Нет, я от рождения смуглая.

Цвет кожи достался ей от отца, которого она не знала. Генетический анализ показал, что у него была смесь разных кровей, преимущественно корейской, латиноамериканской и валлийской. Алекс гадала, как же он выглядел. А его гены в сочетании с шотландскими корнями матери наделили ее на удивление обыкновенным лицом. Нельзя сразу понять, откуда она родом.

– Повезло вам. Мне приходится использовать крем от загара, очень много крема. Или кожа облезает. Отвратительно. Зря я вам рассказал.

Алекс рассмеялась.

– Я обязательно забуду, честно. Что вам еще нравится?

– Работать руками. Я помогаю строить дома. Не как специалист, конечно. Просто стучу молотком, где скажут. Но люди там добрые и отзывчивые. Это замечательно.

Звучало настолько убедительно, что Алекс вдруг охватил страх. Как Дэниел может настолько легко и непринужденно придерживаться легенды, когда в его крови препарат? Если только он каким-то образом не выработал устойчивость. Если департамент не создал антидот, если Дэниела не подготовили заранее, и он не притворяется. Или не департамент, а де ла Фуэнтес. Кто знает, какой эффект даст смесь других препаратов с ее собственным? Алекс коснулась поддельной коронки языком. Департамент бы уже ее прикончил. А вот де ла Фуэнтес, вероятно, захочет наказать за попытку помешать его замыслам. Но откуда он мог знать заранее? Как Дэниел так быстро распознал в ней вражеского агента? Она ведь даже нигде не числилась официально.

«Придерживайся плана, – приказала себе Алекс. – Усади его в машину, и ты в безопасности. Более-менее».

– А еще мне нравятся дома, – продолжил Дэниел. – Люди оставляют окна открытыми, чтобы впускать побольше воздуха. В некоторых даже стекол нет. Там куда лучше, чем в Коламбия-Хайтс, точно вам говорю. Может, не так, как в Бетесде. Могу поспорить, доктора живут в хороших домах.

– Но не я. У меня самая простая, скучная квартира. Все равно я там бываю нечасто.

Дэниел понимающе кивнул.

– Вы спасаете жизни.

– Ну, не совсем. Я ведь не работаю в «Скорой» и тому подобном.

– Вы спасаете жизнь мне.

Распахнутые серо-зеленые глаза, полное доверие. Даже если Дэниел не притворяется, дело в препарате. Однако ей все равно стало неловко.

И она могла лишь продолжать играть свою роль.

– Я просто вас проверю. Вы не умираете.

Это, в общем-то, правда. Парни из департамента наверняка убили бы его в конце. По крайней мере, от такого исхода она его спасет. Хотя... когда угроза катастрофы минует, Дэниел Бич навсегда сядет за решетку. И от этой мысли Алекс стало...

Миллион жертв. Невинные крошечные детишки. Милые старушки. Первый всадник Апокалипсиса на белом коне.

– О, еще и автобус, – мягко заметил Дэниел.

– Он отвезет нас к парковке. И вам больше не придется идти пешком.

– Я не против. Мне нравится с вами ходить.

Дэниел улыбнулся и тут же чуть не упал, споткнувшись о ступеньку. Алекс успела его придержать, а потом завела в почти пустой автобус и усадила на ближайшее место.

– Вам нравятся иностранные фильмы? – ни с того ни с сего спросил Дэниел.

– Эм... некоторые, наверное.

– При университете есть хороший кинотеатр. Может, если ужин пройдет неплохо, в следующий раз мы могли бы посмотреть фильм с субтитрами.

– Договоримся так, – сказала Алекс. – Если после первого вечера я все еще буду вам нравиться, то точно посмотрю с вами фильм на непонятном языке.

Дэниел улыбнулся, устало закрывая глаза.

– Вы все еще будете мне нравиться.

Что за ерунда. Как увести разговор от флирта? И почему теперь Алекс кажется себе чудовищем? Ладно, она действительно чудовище, но смирилась, понимая, что такие, как она, должны существовать ради общего блага. В каком-то смысле, она действительно была врачом – причиняла боль ради спасения жизней. Словно отрезала пораженную гангреной конечность, чтобы человек выжил. Причиняла боль какой-то части, спасая все остальное. Ведь остальное заслуживало этого спасения куда больше.

Примириться со своим занятием ей помогали трезвые рассуждения. Алекс никогда не стремилась к самообману. Она знала, что в плане морали для нее не существует некой серой зоны, а только черная. И все же куда страшнее не Алекс, делающая свою работу хорошо, а другой человек – выполняющий ее плохо. Или не выполняющий вообще.

Пусть Алекс и в самом деле чудовище, она не убила бы невиновного. Она даже не собиралась расправляться с сидящим перед ней очень и очень виновным парнем... который по-прежнему смотрел на нее из-под кудрей щенячьим взглядом.

«Мертвые детишки, – монотонно твердила Алекс себе, – мертвые детишки, мертвые детишки...»

Ей никогда не хотелось быть разведчиком или работать под прикрытием, и теперь она понимала, что даже не приспособлена для подобного эмоционально. Видимо – какая ирония, – ее переполняло неуместное сочувствие. Вот поэтому-то и нельзя *общаться* с объектами до тех пор, пока не настанет назначенный час.

– О'кей, Дэниел, пора на выход. Можете встать?

– М-м... О, давайте я понесу вашу сумку.

Он с трудом протянул руку к портфелю.

– Все в порядке. – На самом деле пальцы уже давным-давно сводило от боли. – Лучше постарайтесь идти ровно.

– Я так устал.

– Знаю. Мы почти пришли, вот моя машина. Серебристая.

– Здесь полно серебристых.

Именно.

– Вот она. Так, давайте на заднее сиденье, там можно лечь. Снимите пиджак, не то станет слишком жарко. И обувь тоже, вот так, хорошо. – Меньше забот потом. – Согните колени, тогда ноги поместятся. Отлично.

Дэниел устроил голову на своем рюкзаке, наверняка жестком, но ему уже было все равно.

– Алекс, вы такая милая, – пробормотал он с закрытыми глазами. – Я столь милых женщин еще не встречал.

– Вы мне тоже кажетесь милым, – признала она.

– Спасибо, – невнятно сказал Дэниел и заснул.

Алекс быстро достала из багажника одеяло – бежевое, как и обивка салона, – и укрыла Дэниела, а затем, незаметно для потенциальных наблюдателей, вколола ему в вену на лодыжке очередной препарат, шприц с которым извлекла из портфеля. «Следуй за вожаком» прекратит действие где-то через час, а Дэниел должен пробыть без сознания куда дольше.

Все-таки не агент, решила Алекс потом. Агент мог бы ей подыгрывать всю дорогу, но не позволил бы себя вот так вырубить. Значит, просто наемный убийца для миллиона людей.

Временная лаборатория находилась в сельской местности Западной Виргинии. Алекс арендовала там неплохой фермерский домик с коровником, где уже давным-давно не держали животных. Снаружи он, как и дом, был покрыт белой обшивкой, а потолок и стены внутри – алюминиевыми листами. В бетонном полу были оборудованы удобные стоки. В задней части коровника имелось маленькое жилое помещение – в объявлении его обозначили как дополнительное место для гостей, желающих испытать на себе все прелести самой настоящей сельской жизни. Многие наивные путешественники наверняка находили эту обстановку очаровательной, однако Алекс интересовало только наличие электричества и исправного водопровода. Дом и коровник располагались посреди яблоневого сада площадью в двести сорок акров, который был, в свою очередь, окружен еще большим количеством акров фермерской земли. Ближайшие соседи проживали лишь в миле отсюда. После сбора яблок, когда сезон подходил к концу, владельцы сада зарабатывали тем, что сдавали домик в аренду городским обитателям, которые хотели притвориться, что смогут выжить без удобств.

Это было очень дорого. Вспоминая стоимость аренды, Алекс каждый раз хмурилась. Но ничего не поделаешь, раз уж ей нужно уединенное и достаточно просторное место.

Работать над его подготовкой приходилось по ночам. Днем Алекс наблюдала за Дэниелом, держась на безопасном расстоянии, а пока он преподавал в школе, пыталась кое-как поспать в машине. Сейчас Алекс уже была на пределе, однако до конца рабочего дня оставалось еще очень много дел.

Первая остановка – после съезда с шоссе в часе пути от города. Узкая грунтовая дорога, которой, похоже, с десятков лет никто не пользовался, привела в лес. Должно быть, она уходила и дальше, однако это Алекс уже не интересовало. Она остановилась в густой тени и, заглушив мотор, принялась за работу.

Если Дэниела завербовал департамент или, что более вероятно, одна из тесно сотрудничающих с ним организаций – ЦРУ, военные подразделения и другие секретные учреждения без официальных названий, как и сам департамент, – то ему вживили электронный маячок. Как и Алекс когда-то. Она рассеянно пробежала пальцами по скрытому под короткими волосами выпуклому шраму внизу затылка. В департаменте любили чипировать голову. Она подходила лучше всего, если для опознания можно было достать лишь одну часть тела.

Алекс открыла дверь машины и, встав на колени на сырую землю, запустила пальцы в волосы Дэниела. Она начала с того же места, где вживили чипы ей и Барнаби, и осторожно

ощупала кожу, а затем и с нажимом. Чисто. Потом за ушами – ей когда-то попадались объекты-иностранцы, со свежими следами после удаления чипов именно там. Далее Алекс проверила всю голову, нет ли где-нибудь инородных выступов, твердых участков. Кудри Дэниела были очень мягкими и приятно пахли чем-то цитрусовым. Алекс, конечно же, все равно, но, по крайней мере, не приходилось копошиться в сальных, зловонных патлах. Это радовало.

Далее – подъем тяжестей. Если за Дэниелом следил де ла Фуэнтес, маячок может быть внешним. Первым делом она отбросила в сторону деревьев ботинки – обувь казалась наиболее подходящим объектом, ведь многие мужчины носили одну и ту же пару изо дня в день. Затем стащила с Дэниела рубашку. Хорошо, что та была на пуговицах, пусть и пришлось потрудиться, чтобы вытащить ее из-под тела. С майкой Алекс уже не церемонилась, а просто разрежала ткань. Внимательно рассмотрела обнаженную грудь – никаких подозрительных шрамов или шишек. Кожа на торсе бледнее, чем на руках – они, без сомнений, слегка потемнели во время работы на стройке в Мексике. Или во время поездки за супервирусами в Египет. Там тоже весьма солнечно.

У Дэниела была мускулатура, которую Алекс про себя называла спортивной, но не переканной. Никакого рельефа, только плавные изгибы мышц – признак того, что он тренируется, но без фанатизма.

Перевернуть его на живот оказалось задачей сложной, и в результате Дэниел упал с сиденья. Алекс заметила на левой лопатке два параллельных, одинаковых по длине шрама и внимательно их рассмотрела, проверяя кожу вокруг. Опять ничего, только обычная фиброзная ткань.

Затем Алекс сообразила, что сначала стоило снять с него джинсы. Чтобы добраться до ширинки, ей пришлось навалиться на его бессознательное тело и просунуть под него обе руки. К счастью, штанины не были зауженными. Алекс выбралась из машины через противоположную дверь и сдернула с Дэниела джинсы. Увидев, что он носит боксеры, а не плавки, Алекс не удивилась – это вполне в его стиле. Сняв с него трусы и носки, она спрятала всю его одежду под поваленным деревом. Потом отнесла туда же и рюкзак. В ноутбуке можно легко и незаметно спрятать следящее устройство.

Алекс не в первый раз приходилось раздевать объект самостоятельно. В лаборатории для этого были специальные сотрудники – «шестерки», как их называл Барнаби, – но Алекс не всегда работала в ее стенах. Во время первой командировки в афганский Герат она прониклась к «шестеркам» глубокой благодарностью. Раздевать не мывшегося месяцами человека неприятно. Особенно, когда потом нет возможности принять душ самой. Дэниел, по крайней мере, был чистым. Сегодня в поте лица трудилась только Алекс.

Нашупав в багажнике отвертку, она быстро сменила номерной знак округа Колумбия на тот, что сняла с похожей машины на свалке в Западной Виргинии.

Алекс на всякий случай мельком проверила задние стороны ног, ступни и кисти Дэниела. Правда, она никогда не встречала чипов в конечностях, ведь их часто для убедительности отрезали. Никаких шрамов. Как и мозолей, которые бы намекали, что он владел огнестрельным оружием. У Дэниела были мягкие руки учителя – и лишь несколько плотных мест, натертых при редкой работе молотком.

Алекс попыталась вернуть его обратно на сиденье, но быстро поняла, что зря старается. Да, спать в такой позе неудобно, однако он все равно пока не проснется. Мышцы, конечно, затекут... Что за глупая мысль.

Она тщательно подоткнула одеяло вокруг Дэниела, мысленно выстраивая его историю – то, что почерпнула из досье и видела сейчас перед собой. Она верила, что Дэниел Бич именно тот, кто предстал перед ней сегодня, во всех отношениях приятный и хороший парень. Понятно, что так привлекло алчную бывшую. В него легко влюбиться. А потом, с течением времени, бывшая стала принимать любовь как само собой разумеющееся и переключилась на

то, чего ей не хватало – красивую квартиру, дорогое кольцо, машины. Теперь, наверное, скучает по милой стороне Дэниела; у соседа трава зеленее, и все дела.

Но в Дэниеле скрывалась и тьма – глубоко внутри, рожденная из боли и несправедливости после утраты родителей, усиленная предательством жены и вспыхнувшая еще ярче из-за потери последнего члена семьи. Тьма не проявляет себя просто так. Дэниел отделил ее от своей мирной жизни, загнал в столь же темные закоулки. Неудивительно, что он так беспечно говорил о поездке. Для него существуют две Мексики: полная счастья, которую любит учитель, и опасная, где властвует чудовище. Наверное, они и у него в голове существуют как два разных места.

Алекс надеялась, что он все-таки не псих. А просто сломленный мужчина, который продолжает цепляться за былой образ, но должен выпускать тьму погулять.

Такой вывод Алекс вполне устроил, и она решила немного изменить план. В ее работе было важно качественно разыграть спектакль. На некоторые объекты лучше всего действовал образ холодного и бесстрастного профессионала – белый халат, хирургическая маска, сверкающая сталь. Другие боялись безумного садиста. Эту роль лучше всего отыгрывал Барнаби – у него и лицо было подходящее, и волосы, седые и торчащие а-ля «меня-только-что-шибануло-током». Ситуации были разные – кто-то боялся тьмы, кто-то света. Изначально Алекс думала надеть бесстрастную маску (проще всего, с ее-то специальностью), но потом поняла: чтобы выманить наружу темную сторону Дэниела, его лучше окружить тьмой. Ведь говорить нужно было как раз с Темным Дэниелом.

По дороге Алекс запутывала след. Если в брошенных в лесу одежде или вещах Дэниела и был маячок, то лучше не оставлять неизвестному наблюдателю дальнейших подсказок.

Она в миллионный раз задумалась о вариантах исхода. Первый: это тщательно подготовленная ловушка. Второй: все правда, и на кону миллион жизней. Не говоря уже о жизни самой Алекс.

Во время долгого пути она все-таки склонилась ко второму варианту. На заднем сиденье точно не правительственный агент. А если Дэниел всего лишь простой человек, которого наугад выбрали, чтобы выманить Алекс, то они уже упустили лучший шанс ее поймать. Не было ни нападения, ни попытки проследить... по крайней мере, заметных.

Алекс вспомнила об уликах против Дэниела и сдалась. Она искренне верила. Поэтому пора приниматься за спасение жизней.

Она притормозила у домика около одиннадцати, полумертвая от усталости и голода, но зато на девяносто пять процентов уверенная, что не оставила ни для департамента, ни для де ла Фуэнтеса никаких зацепок. Алекс быстро обошла дом, проверяя, нет ли следов взлома (и труп, ведь человек, открывший входную дверь, скончался бы на месте). Затем разобрала ловушки и въехала на машине в коровник. И, плотно закрыв его ворота и заново включив свою «сигнализацию», принялась готовить Дэниела к работе.

Все остальное уже было сделано. Она купила таймеры в хозяйственном магазине в Филли и подключила их к лампам в нескольких комнатах дома – чтобы придать ему обитаемый вид, как поступают покидающие жилье на долгое время путешественники. Еще один таймер она подсоединила к радио. Дом стал неплохой приманкой: многие первым делом прочесали бы именно его и только потом обратили бы внимание на темный коровник.

Коровник и останется темным. Посреди него Алекс соорудила нечто вроде палатки, которая приглушит свет и звуки, а также поможет держать Дэниела в неведении о том, где он находится, – прямоугольную конструкцию высотой в семь футов, шириной в десять и длиной в пятнадцать из поливинилхлоридных трубок, черного брезента и амортизирующих тросов, выложенную внутри поролоном для звукоизоляции. Грубовато, да, но зато удобнее, чем в пещерах, хотя Алекс приходилось иметь дело и с ними.

В центре палатки стоял огромный металлический стол на регулируемых черных ножках. Хозяева, несомненно, оставили его в коровнике для аутентичной атмосферы. По всей видимости, раньше на нем работал ветеринар. Несмотря на слишком большой размер (все-таки док работал не с котятами, а с коровами), стол был настоящей находкой. Именно он и еще несколько пунктов подтолкнули Алекс к аренде этого места по грабительской цене.

Рядом располагался еще один металлический стол. На нем Алекс установила свой компьютер и мониторы, а также поднос с инструментами, которые, как она надеялась, могли бы остаться лишь для декорации. У изголовья стоял штатив с приготовленным пакетом физраствора, около них – кухонная тележка с очередным стальным подносом, полным крошечных, но весьма зловещих шприцов. На нижней полочке лежал респиратор и манжета для измерения давления.

И, конечно, наручники, купленные на «Ибэе» по запросу «оборудование для тюремных больниц». Алекс пришлось просверлить для них дырки в стальном столе, но зато из таких оков объект без посторонней помощи не выберется. Да и помощнику наверняка понадобится паяльная лампа.

Алекс оставила два выхода – похожие на занавес прорези в брезенте. Снаружи палатки располагались раскладушка, спальный мешок, небольшой холодильник и прочие необходимые вещи. К подсобке прилегал крошечный совмещенный санузел, но он был слишком далеко, да и вместо ванны там установлена душевая кабинка. На этих выходных Алекс придется отказаться от обычных мер предосторожности.

Она вытащила бесчувственного Дэниела из машины, используя ремни для переноски мебели, и устроила его на транспортировочной тележке. Алекс надеялась, что он не получил сотрясение мозга – в процессе он пару раз достаточно сильно приложился головой.

Опустив стальной стол как можно ниже, Алекс перекатила на него Дэниела. Он по-прежнему крепко спал. Подняв стол обратно, она защелкнула на объекте все четыре наручника, один за другим. Какое-то время ему придется полежать на спине. Далее – капельница. К счастью, от обезвоживания Дэниел пока не страдал или же просто мог похвастаться отличными венами, так что Алекс с легкостью установила катетер и подключила саму капельницу. Затем добавила к физраствору пакет смеси нутриентов. Вот и все питание Дэниела на три дня – если, конечно, процесс затянется. Дэниел будет голоден, но при этом в полном сознании – когда Алекс этого захочет. Потом она прикрепила пульсоксиметр к пальцу его ноги (с руки аппарат слишком просто сбросить) и сухие электроды к спине, по одному под каждым легким, чтобы следить за дыханием.

Опыта в установке катетера мочевого пузыря у нее было маловато, однако эта процедура казалась относительно простой. Ведь даже если Алекс сделала что-то не так, возмутиться Дэниел не мог. А уборки тут и без мочи хватит.

Думая об этом, Алекс разложила на полу впитывающие подстилки для щенков. Если придется зайти дальше первой фазы, будет рвота. Будет ли кровь – зависит от того, как Дэниел реагирует на обычные методы Алекс. Ну, по крайней мере, здесь был водопровод.

В коровнике стало холодно, и Алекс накрыла Дэниела одеялом. Необходимо продержат объект без сознания еще немного, а холод этому не способствовал. Поколебавшись, она положила Дэниелу под голову захваченную из жилого помещения подушку. «Только потому, что он не должен проснуться, – заверила Алекс себя. – А не потому, что ему явно неудобно».

Она ввела ему через капельницу содержимое маленького шприца – еще дозу снотворного. Должно хватить как минимум на четыре часа.

Лицо Дэниела заставляло Алекс нервничать. Слишком... безмятежное. Алекс, наверное, в жизни не видела ни у кого столь невинных от природы черт. Сложно представить, что такое спокойствие и невинность вообще существовали в одном с ней мире. Алекс на мгновение испугалась, что действительно имеет дело с психическим расстройством, с каким раньше не

сталкивалась. И все же, де ла Фуэнтес наверняка искал человека, к которому остальные подсознательно тянулись. Вот он, идеальный кандидат. Теперь ясно, почему наркобарон вообще обратил внимание на школьного учителя.

Алекс надела на него респиратор и прикрутила картридж. Если ее меры предосторожности прикончат Дэниела, то не видать ей нужной информации.

Затем Алекс в последний раз обошла территорию. Сквозь окна было видно, как в доме горит свет. В гробовой ночной тишине раздавались едва слышные звуки попсового хит-парада.

Убедившись, что все защищено, Алекс съела протеиновый батончик и почистила зубы в крошечной ванной. А затем завела будильник на три, проверила лежащий под раскладушкой пистолет и, прижав к себе картридж, нырнула в спальный мешок. Тело уже засыпало, да и мозг не отставал. Прежде чем провалиться в сон, Алекс как раз успела надеть респиратор.

Глава 6

К половине четвертого Алекс уже встала, оделась и поела, все еще изможденная, но готовая действовать. Дэниел продолжал спать, ни о чем не подозревая. Проснется он отдохнувшим и при этом совершенно дезориентированным. Он не будет знать, ни который сейчас час, ни даже какой день. Дискомфорт – важный инструмент в подобной работе.

Алекс забрала подушку и одеяло, отметив вдруг возникшую жалость. Но это необходимый ход. Обнаженность и беспомощность перед врагом вызывали беспокойство у любого объекта, невзирая на его выучку. В любом случае Алекс не могла позволить себе такое чувство, как жалость, еще несколько дней. Остальное она отсекала. Она научилась делать это больше трех лет назад, но все еще чувствовала, как внутри возникала некая перегородка. Тело помнило и обладало нужной силой.

Волосы оставались влажными после покраски. Макияж казался слоем штукатурки, хотя на самом деле его было совсем немного. Она не умела рисовать на лице ничего сложного, поэтому просто нанесла на веки темные тени, на ресницы – тушь, а на губы – алую помаду. Алекс не собиралась менять цвет волос так скоро, однако черные волосы и «боевой раскрас» были частью новой стратегии. Отутюженный белый халат и голубые хирургические штаны остались в сумке. Вместо них Алекс снова надела облегающую черную футболку и черные джинсы. Хорошо, что в доме нашлись стиральная машина и сушилка. Футболку явно придется стирать. На самом деле, надо было постирать ее еще вчера.

Странно, как щепотка цветного порошка и капля жира заставляют людей воспринимать тебя по-другому. Алекс оценила свой вид в зеркале ванной комнаты и осталась довольна жестким, даже холодным выражением лица. Зачесав волосы назад, она вернулась в «допросную».

С верхних труб свисали мощные лампы, однако Алекс оставила их выключенными. Горели лишь два фонаря на уровне ее талии. Черная изоленга сливалась с серой звукоизоляцией. Ночью стало совсем холодно. Руки и живот объекта покрылись гусиной кожей. Алекс коснулась его лба термометром. Результат был все еще в пределах нормы.

Наконец Алекс включила ноутбук и выставила необходимые параметры. Ждущий режим включится после двадцати минут бездействия. Рядом с компьютером стояла черная коробочка с кнопками на верхней грани и крошечным красным огоньком сбоку, однако Алекс не стала ее трогать и приступила к делу.

Когда она ввела в капельницу вещество, которому предстояло вернуть объект в сознание, ее чуть было не одолело какое-то чувство. Однако Алекс легко его подавила. Как и у Дэниела Бича, у нее есть две стороны. И теперь она стала второй – той, кого в департаменте прозвали Химиком. А Химик – это машина. Безжалостная и неумолимая. Теперь и ее собственное чудовище оказалось на свободе.

Хотелось надеяться, что чудовище Дэниела тоже выйдет погулять.

Новый препарат по капле проник в его кровь, и дыхание перестало быть ровным. Длинные пальцы сжались в кулак, кисть в наручнике дернулась. Дэниел все еще не совсем проснулся, но нахмурился, пытаясь перевернуться на бок. Колени дрогнули, натягивая оковы, и Дэниел вдруг распахнул глаза.

Алекс стояла у изголовья, наблюдая за его паникой. Дыхание стало неровным, сердцебиение участилось – Дэниел пытался вырваться из пут, лихорадочно искал в темноте взглядом что-нибудь знакомое. Затем вдруг напряженно замер, прислушиваясь.

– Эй? – шепотом позвал он.

Алекс не шевелилась, выжидая.

Следующие десять минут Дэниел то рвался на волю, то старался что-нибудь расслышать за собственным хриплым дыханием.

– Помогите! – наконец громко крикнул он. – Здесь кто-нибудь есть?

– Здравствуй, Дэниел, – тихо отозвалась Алекс.

Он откинул голову, вытягивая шею в попытке увидеть, откуда идет голос. Военный бы никогда не подставил горло, заметила Алекс.

– Кто здесь? Кто это?

– Неважно, Дэниел.

– Где я?

– И это неважно.

– Что вам надо? – почти прокричал он.

– Наконец-то, совсем другой разговор... до тебя дошло. Это как раз и важно.

Алекс обошла стол, чтобы Дэниел ее увидел, хотя свет был направлен на нее сзади, и лицо оставалось в тени.

– Но у меня ничего нет. Ни денег, ни наркотиков. Я ничем не могу вам помочь.

– Я не хочу ничего материального, Дэниел. Я хочу... даже не так. Мне нужна информация. И ты сможешь отсюда выбраться, только если все расскажешь.

– Я не знаю ничего... ничего существенного! Пожалуйста...

– Хватит! – громко оборвала его Алекс, и Дэниел изумленно втянул воздух. – Теперь ты меня слушаешь, Дэниел? Это очень, очень важно.

Он кивнул, часто моргая.

– Я должна получить информацию. Другого выбора нет. И, если придется, Дэниел, я буду причинять тебе боль, пока ты не расскажешь то, что мне надо. Будет ужасно больно. Я не говорю, что мне этого хочется, но сделаю все спокойно. Пока я не начала, ты можешь решить сам. Расскажи, что знаешь, и я тебя освобожу. Вот так просто. Обещаю, я тебя не трону. Сэкономишь мне время, а себя спасешь от массы страданий. Понимаю, ты не хочешь рассказывать, но, пожалуйста, имей в виду, что все равно сдашься. Придется постараться, однако ты не сможешь молчать. Ломаются все. Поэтому выбери легкий путь сейчас. Мне будет жаль, если ты откажешься. Понимаешь?

За время работы в департаменте Алекс очень много раз произносила подобную речь, и зачастую она оказывалась действенной. В примерно сорока процентах случаев именно в этот момент объект начинал свою исповедь. Не всегда заканчивал, конечно, – далее приходилось делать хотя бы пробные шаги. Однако был неплохой шанс получить первое признание. Все зависело от того, кто находился перед Алекс. Без применения боли начинали говорить примерно половина военных, пять-десять процентов разведчиков и столько же религиозных фанатиков. На простых «шестерок» речь действовала безотказно. А вот ключевые фигуры расставались с малейшими деталями весьма болезненно.

Алекс искренне надеялась, что Дэниел не из последних.

Все это время он, с застывшим от страха лицом, не сводил с нее взгляда. А когда речь подошла к концу, непонимающе нахмурился. Алекс явно ожидала другого эффекта.

– Ты меня понимаешь, Дэниел?

– Алекс? – изумленно спросил он. – Алекс, это ты?

Вот поэтому-то и нельзя контактировать с объектом заранее. Беседа пошла не по сценарию.

– Это, конечно же, не настоящее имя. Ты ведь знаешь.

– Что?

– Меня зовут не Алекс.

– Но... ты же доктор. Ты мне помогала.

– Я не тот доктор, Дэниел. И я тебе не помогала. Я вколола препарат, а потом похитила тебя.

Его лицо стало серьезным.

– Ты была ко мне добра.

Она сдержала вздох.

– Я делала все, чтобы доставить тебя сюда. А теперь сосредоточься, Дэниел, и ответь на вопрос. Ты расскажешь мне то, что я хочу узнать?

Опять сомнение на лице. Неспособность поверить, что она действительно причинит ему боль, что все происходит на самом деле.

– Я расскажу все, что ты хочешь узнать. Но, повторюсь, у меня нет ничего важного. Ни номеров банковских счетов, ни... не знаю, карт сокровищ. Ничего стоящего всего этого.

Дэниел попытался сделать жест прикованной рукой и, взглянув на себя, наконец осознал, что полностью обнажен. Его кожа вспыхнула – лицо, шея, линия в центре груди, – и он машинально дернулся, словно хотел прикрыться. Дыхание и сердцебиение вновь участились.

Нагота – то, что в равной степени ненавидели как секретные агенты, так и «шестерки» террористов.

– Мне не нужна карта сокровищ. Я не ишу личной выгоды, Дэниел. Я стремлюсь защитить жизни невинных людей. Об этом и поговорим.

– Не понимаю. Как я могу здесь помочь? И зачем мне отказываться?

Ход разговора ей не нравился. Тех, кто цеплялся за якобы незнание и невинность, зачастую приходилось ломать дольше, чем признававших вину, но отчаянно выгораживавших свое правительство, джихад или товарищей.

Алекс взяла со стола первое фото – один из самых четких снимков де ла Фуэнтеса крупным планом.

– Начнем с него, – произнесла она, держа фото на уровне глаз Дэниела.

Ноль эмоций. Никакой реакции. Дело плохо.

– Кто это?

Теперь Алекс позволила себе вздохнуть.

– Дэниел, ты делаешь неправильный выбор. Пожалуйста, подумай.

– Но я не знаю, кто это!

Она посмотрела на него с сожалением.

– Я полностью честен, Алекс. Я не знаю этого человека.

Она снова вздохнула.

– Тогда, полагаю, начнем.

И снова это неверие. Алекс еще ни разу с подобным не сталкивалась. Все, кто попадал к ней на стол, знали, почему они там оказались. Она видела ужас, мольбы, временами – стойкое упрямство, но никогда – такое странное, доверчивое, почти испытывающее ее выражение «ты не причинишь мне боль» на лице.

– Э-э... это какая-то фетишистская игра? – тихо спросил Дэниел, и в его голосе прозвучало такое смущение, будто все остальное его волновало куда меньше. – Я, честно говоря, совсем не знаю правил...

Алекс отвернулась, пряча неуместную улыбку. «Соберись!» – приказала она себе и плавно шагнула к столу, делая вид, что именно это и планировала изначально. Нажав клавишу, чтобы ноутбук не перешел в ждущий режим, Алекс взяла поднос с реквизитом. Он был тяжелым. От движения предметы звякнули. Алекс поставила свою ношу рядом со шприцами и направила свет так, чтобы металлические принадлежности заблестели.

– Мне жаль, что это все сбивает тебя с толку, – ровно произнесла она. – Заверяю, я ни капли не шучу. Посмотри на мои инструменты.

Дэниел посмотрел, и его глаза распахнулись еще шире. Алекс следила за ним, ожидая увидеть хотя бы намек на пробуждение Темного Дэниела, но ничего не заметила. Его глаза, даже полные ужаса, по-прежнему оставались добрыми. Невинными.

В голове вдруг пронеслись слова хичкоковского Нормана Бейтса: «Думаю, у меня просто такое лицо, которому нельзя не поверить». Алекс вздрогнула, но Дэниел ничего не заметил – все смотрел на инструменты.

– Мне нечасто приходится ими пользоваться, – поведала она, легонько коснувшись щипцов, а потом провела пальцем по огромному скальпелю. – Ко мне обращаются, когда хотят сохранить объект более-менее... целым.

На последнем слове она погладила кусачки.

– Но на самом деле они мне даже не нужны. – Алекс звонко щелкнула пальцем по канистре ацетиленовой горелки. – А знаешь, почему?

Дэниел не ответил, оцепенев от ужаса. Теперь до него начало доходить. Да, все реально.

Вот только Темный Дэниел уже давно должен был это понять. Тогда почему он все никак не выйдет наружу? Неужели думает, что Алекс можно провести? Или что его обаяние растопило ее слабое женское сердечко?

– А я тебе расскажу, – проговорила она очень тихо, почти шепотом, а затем заговорщически наклонилась с печальной полуулыбкой. – Ведь то, что делаю я, причиняет... куда... больше... боли.

Глаза Дэниела, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Ну вот, наконец-то знакомая реакция.

Алекс убрала поднос, обращая внимание Дэниела на длинный ряд поблескивающих на свету шприцев.

– Первый раз продлится всего десять минут, – пояснила Алекс, стоя спиной к объекту, и поставила инструменты на место неподалеку от компьютера, а затем развернулась. – Но тебе покажется, что гораздо дольше. Это будет только проба – или, если тебе угодно, предупредительный выстрел. А после – мы снова поговорим.

Она взяла шприц с дальнего края подноса и, надавив на поршень, демонстративным движением, как медсестра в кино, смахнула выступившую капельку.

– Пожалуйста, – прошептал Дэниел. – Прошу, я не понимаю, что происходит. Я ничем не могу помочь. Клянусь, иначе я все бы сделал.

– Ты сможешь, – пообещала Алекс и вонзила иглу в трицепс левой руки.

Реакция была практически мгновенной. Его рука дернулась, натягивая путы. Пока Дэниел в ужасе смотрел, как судорожно сокращаются его мышцы, Алекс спокойно взяла еще один шприц и обошла стол.

– Алекс, пожалуйста! – взвыл Дэниел.

Не обращая внимания ни на крики, ни на попытки уклониться – как будто ему хватило бы сил сорвать наручники, – Алекс ввела дозу молочной кислоты и в четырехглавую мышцу правого бедра. Колено резко выпрямилось так, что ступня соскользнула со стола. Дэниел охнул, а затем застонал.

Алекс двигалась неторопливо – без спешки, но и не слишком медленно. Еще один шприц. Все равно левая рука уже не подчинялась хозяину. На этот раз Алекс ввела кислоту в бицепс левой руки. Он тут же начал сокращаться, соперничая с трицепсом.

Дэниел охнул, словно ему двинули в живот. Вот только боль от происходящего была куда сильнее любого удара.

Еще укол, теперь в бицепс правого бедра. И в ногу началось то же самое мучительное соперничество разных мышц. А вместе с ним – и крики.

Алекс встала у головы Дэниела, бесстрастно наблюдая, как натянулись и побелели жилы на его шее. Когда он открыл рот для очередного крика, Алекс сунула ему кляп. С откушенным языком объект ничего не расскажет.

Она опустила на стул и закинула одну ногу на другую. Взглянула на мониторы – все показатели повышены, однако опасности для организма пока нет. Люди даже не представляют, сколько может выдержать здоровое тело прежде, чем важным органам что-то действительно

начнет угрожать. Она провела пальцем по тачпаду, чтобы экран ноутбука продолжал светиться. А затем достала из кармана наручные часы и положила их на колено – по большей части ради показухи, ведь за временем можно было следить и на любом из мониторов.

Алекс спокойно ждала; серебристые часы казались на черной одежде белым пятном. То, как бесстрастно она наблюдала за жертвами, обычно обескураживало объекты еще сильнее. Поэтому она смотрела на Дэниела с вежливым выражением лица – словно зритель во время посредственной пьесы, – пока его тело билось и корчилось на столе, а сквозь кляп прорывались крики. Дэниел то находил ее глазами, умоляющими и полными боли, то шарил взглядом по помещению.

Десять минут могут быть очень длинными. Мышцы начали сокращаться по отдельности – одни словно скручивались в узлы, а другие, казалось, норовили оторваться от костей. По лицу Дэниела катился пот; влажные волосы потемнели. Кожа на скулах так натянулась, что вот-вот могла треснуть. Крики стали хриплыми, скорее звериными, чем человеческими.

Еще шесть минут.

И ведь это даже не самые качественные препараты.

Любой псих, что захотел бы удвоить боль, вполне мог бы это сделать. Распространение кислоты, которую использовала Алекс, не контролировалось законом; ее было достаточно легко приобрести через Интернет – даже если покупатель вдруг оказывался в бегах от темной изнанки правительства Штатов. Раньше, в самом расцвете карьеры спеца по допросам, с чудесной лабораторией и замечательным бюджетом, с секвенсором и реактором, Алекс могла создавать поистине уникальные и узконаправленные препараты.

На самом деле кодовое имя Химик ей совсем не подходило. А «Молекулярный биолог» звучало слишком сложно. Экспертом в химии был Барнаби; то, чему он научил Алекс, спасало ей жизнь с тех самых пор, как она потеряла лабораторию. И, в конце концов, Алекс действительно стала Химиком. Но поначалу внимание департамента привлекло именно ее теоретическое исследование моноклональных антител. Досадно, что везти Дэниела в лабораторию чересчур рискованно. Операция дала бы плоды гораздо быстрее.

И ведь Алекс почти удалось вывести боль из уравнения. Вот она, ее заветная мечта, которую никто не жаждал увидеть исполненной. Алекс знала, что если бы все эти три года продолжала работать, а не спасаться, то уже создала бы ключ к любому сознанию. Без пыток, без ужаса. Просто быстрые и с удовольствием выданные ответы, а потом такая же полная удовольствия путевка или за решетку, или на эшафот.

Зря ей не дали продолжить работу.

Еще четыре минуты.

Они с Барнаби обсуждали, как себя вести во время подобных пауз в допросе. Барнаби рассказывал себе истории. Вспоминал сказки из детства и придумывал им современные версии или другие концовки, или же менял персонажей местами. Он говорил, что некоторые идеи выходили неплохими и в свободное время он их запишет. А вот Алекс казалось, что без полезного занятия она попросту теряет время. Поэтому она планировала. В самом начале – новые виды моноклональных антител, которые смогут контролировать реакции мозга и блокировать рецепторы. Потом – жизнь в бегах, всевозможные худшие сценарии и как не угодить в ловушку. Как удрать, если уже почти попалась. Как выбраться, если капкан все-таки захлопнулся. Алекс пыталась представить все варианты.

Барнаби говорил, что иногда нужно расслаблять мозг. Веселиться. Иначе какой смысл жить?

Просто жить, решила тогда Алекс. Все, чего она просила, – это жить. И поэтому она заставляла свой мозг работать на полную катушку.

Сейчас она думала о следующем шаге. Сегодня, завтра или – упаси его господи – послезавтра Дэниел расскажет все, что знает. Любой рано или поздно сломается. Человек может

терпеть боль лишь определенное время – это факт. Некоторые способны лучше переносить определенные ее виды, поэтому приходится применять другие. Если Дэниел продолжит молчать, Алекс перевернет его на живот – чтобы не захлебнулся рвотой – и применит то, что сама называла «зеленым уколом», хотя сыворotka была прозрачной, как и остальные. Если и это не поможет, настанет черед какого-нибудь галлюциногена. Всегда можно найти новый способ причинить боль. В теле столько разных точек для стимуляции.

Получив необходимое, Алекс прекратит мучения Дэниела и погрузит его в сон, потом отправит Карстону имейл с местного сетевого адреса и расскажет все, что узнала. А затем уедет и будет ехать очень долго. Может, Карстон и компания не станут ее преследовать. А может, станут. И Алекс об этом, вероятно, даже не узнает, ведь скорее всего она продолжит скрываться до самой смерти – надеясь, что смерть наступит по естественным причинам.

Не прошло и девяти минут, как действие препарата начало сходить на нет. Вещества действовали на всех по-разному. Дэниел реагировал, как большинство. Крики превратились в стоны. Тело постепенно обмякло, и он затих. Алекс вытащила кляп, Дэниел резко втянул воздух. А затем уставился на нее в ужасе и заплакал.

– Дам тебе пару минут, – произнесла она. – Соберись с мыслями.

Покинув допросную через выход, который Дэниел не видел, Алекс тихо села на раскладушку и принялась слушать его сдавленные рыдания.

Слезы – это нормально, и обычно они были хорошим знаком. Однако сейчас стало ясно, что плачет Дэниел-учитель. А Темный Дэниел так и не показался, не выдал себя ни единым движением, ни взглядом. Как же до него достучаться? Если дело в настоящем раздвоении личности, можно ли вызвать новую личность силой? Сегодня Алекс не отказалась бы от помощи мозгоправа. Явись она покорно в лабораторию, о чем ее и просили, ей нашли бы психиатра чуть ли не в ту же секунду. Ну а сейчас ничего не поделаешь.

Алекс не спеша сжевала батончик мюсли, ожидая, пока дыхание Дэниела выровняется. Потом съела второй и запила яблочным соком из мини-холодильника.

Когда Алекс вновь вернулась в допросную, Дэниел в отчаянии смотрел в поролоновый потолок. Она подошла к компьютеру и тронула клавишу.

– Мне жаль, что тебе пришлось через такое пройти, Дэниел.

Он не слышал, как она вошла. Звук ее голоса заставил его дернуться в сторону, насколько позволяли оковы.

– Давай не будем повторять? – Алекс вновь заняла стул. – Я тоже хочу домой.

В каком-то смысле ложь, но в целом – правда, хотя и невозможная.

– Пусть ты мне и не поверишь, но я не садистка. Твои мучения не доставляют мне никакого удовольствия. У меня просто нет другого выбора. Я не позволю всем этим людям умереть.

– Я не... понимаю... о чем ты... говоришь. – Голос Дэниела стал хриплым.

– Ты поразишься бы, сколько людей повторяют эту фразу – и продолжают повторять, раз за разом переживая то, что и ты, а иногда и похуже! А потом, на десятом круге для одного, на семнадцатом для другого, вдруг начинает литься правда. И я наконец могу рассказать хорошим парням, где найти боеголовку, химическую бомбу или болезнетворный агент. И люди остаются в живых, Дэниел.

– Я никого не убивал, – охнул он.

– Но ты планируешь убить, и я заставлю тебя передумать.

– Я никогда бы так не поступил.

Алекс вздохнула.

– Мы здесь надолго, да?

– Я не могу рассказать то, чего не знаю. Ты поймала не того.

– И это я тоже много раз слышала, – спокойно произнесла Алекс, хотя слова задели ее за живое. Если у нее не получается достучаться до другой стороны Дэниела, может, она и в самом деле пытается невиновного?

Она спонтанно решила вновь отступить от сценария, хотя и понятия не имела, что делать с психическими заболеваниями.

– Дэниел, ты страдаешь провалами в памяти?

Долгое молчание.

– Что?

– Бывало ли, например, что ты приходил в себя где-то и не знал, как там оказался? Кто-то рассказывал тебе о том, что ты делал или говорил, но ты этого не помнил?

– Эм... Нет. Разве что сегодня. То есть вот ты о чем говоришь? Что я планирую совершить нечто ужасное, но не знаю, что это?

– У тебя диагностировали раздвоение личности?

– Нет! Алекс, сумасшедший здесь точно не я.

Не помогло.

– Расскажи мне о Египте.

Дэниел повернулся к Алекс. На его лице читалось настолько ясное: «Да вы издеваетесь, дамочка?» – словно он произнес слова вслух.

Алекс просто ждала. Дэниел измученно вздохнул.

– Ну, среди всех современных цивилизаций Египет может похвастаться самой длинной историей. Существуют доказательства, что египтяне жили вдоль Нила уже в десятом тысячелетии до нашей эры. Примерно к шестому тысячелетию...

– Очень смешно, Дэниел. Может, поговорим серьезно?

– Я не знаю, чего ты хочешь! Проверить, на самом ли деле я учитель истории? Не понимаю!

Его голос постепенно окреп. Что хорошо в препаратах – так это недолгое действие. Между раундами можно вести осмысленный разговор. И Алекс обнаружила, что объекты куда сильнее боятся боли, пока ее не ощущают. Видимо, взлеты и падения ускоряли процесс.

Алекс тронула клавишу ноутбука.

– Расскажи о своей поездке в Египет.

– Я никогда там не был.

– Ты не ездил в Египет со «Средой обитания» два года назад?

– Нет. Три последних лета я провел в Мексике.

– Ты ведь знаешь, что за подобным следят? Что номер твоего паспорта вводят в базу данных, и можно проверить, куда ты отправился?

– Поэтому ты и должна знать, что я был в Мексике!

– Где встретил Энрике де ла Фуэнтеса.

– Кого?

Алекс медленно моргнула со скучающим выражением лица.

– погоди, – произнес Дэниел, глядя в потолок так, будто там написан ответ. – Знакомое имя. Недавно слышал в новостях... в сюжете о пропавших офицерах управления по борьбе с наркотиками. Он дилер, да?

Алекс вновь подняла фотографию де ла Фуэнтеса.

– Это он?

Алекс кивнула.

– Почему ты думаешь, что я с ним знаком?

– Потому, что у меня есть фотографии, где вы вместе, – медленно ответила она. – И потому, что за последние три года он перевел тебе десять миллионов долларов.

У Дэниела отвисла челюсть.

– Что?!

– Десять миллионов долларов на твоё имя в разных банках Швейцарии и Каймановых островов.

Дэниел изумленно уставился на Алекс, а затем его лицо вдруг исказилось от злости. Голос стал жестким.

– Если у меня есть десять миллионов, то почему я тогда живу в полной тараканов квартире в Колумбия-Хайтс? Почему мы тогда играем в штопаной волейбольной форме, которую школа не меняла с семьдесят третьего года? Почему я катаюсь на метро, пока новый муженек моей бывшей разъезжает на «Мерседесе»? И почему я себе гроблю желудок диетой из одной лапши?!

Алекс позволила ему высказаться. Желание говорить – это маленький шаг в нужном направлении. Но, к сожалению, злился в Дэниеле все равно школьный учитель. Просто очень несчастный школьный учитель.

– Погоди... что значит, у тебя есть мои снимки с этим дилером?

Алекс вернулась к столу и взяла нужное фото.

– Эль-Минья, Египет, ты и де ла Фуэнтес, – объявила она, поднеся снимок к лицу Дэниела.

Реакция. Наконец-то.

Он откинул голову, сощурился, а потом распахнул глаза. Алекс буквально видела, как мысли проносятся в его мозгу, прежде чем отразиться на лице. Дэниел обдумывал увиденное и составлял план.

Другая его личность все не показывалась, но Дэниел, по крайней мере, начал ее узнавать.

– Не хочешь рассказать о Египте *теперь*, Дэниел?

Сжатые губы.

– Никогда там не был. Это не я.

– Не верю. – Алекс вздохнула. – Что очень плохо, ведь нам придется продолжить вечеринку.

Снова страх – мгновенный и сильный.

– Алекс, пожалуйста. Клянусь, это не я. Пожалуйста, не надо!

– Я выполняю свою работу, Дэниел. И должна узнать, как спасти людей.

От нежелания говорить не осталось и следа.

– Я никому не хочу причинить вреда. Я тоже хочу, чтобы ты их спасла.

Не верить в искренность его слов стало сложнее.

– Однако ты что-то узнал на фото.

Дэниел покачал головой. Лицо стало непроницаемым.

– Это был не я.

Алекс была вынуждена признать, что более чем заинтригована ситуацией. Такого еще не случилось. Как жаль, что Барнаби больше нет, что нельзя с ним посоветоваться! Ладно, сроки поджимают. Нечего тратить время на сожаления. Алекс вложила в левую ладонь шприцы, один за другим. Теперь – восемь.

Дэниел уставился на Алекс со смесью ужаса... и печали. Он хотел было что-то произнести, но не проронил ни звука. Алекс замерла, держа в правой руке первый шприц.

– Дэниел, если ты хочешь мне что-то рассказать, давай быстрее.

– Не поможет, – произнес он с грустью.

Алекс выждала еще мгновение. Дэниел посмотрел ей в глаза.

– Просто твоё лицо, – проговорил он. – Такое же, как и раньше... точно такое же.

Вздвигнув, Алекс резко развернулась и подошла к его голове. Дэниел попытался отодвинуться подальше, но таким образом лишь подставил кивательную мышцу. Обычно Алекс оставляла ее на потом, ведь укол в нее был самым болезненным из всего, что можно сделать в

нынешних условиях. Однако Алекс хотела поскорее убраться, поэтому вколола шприц в шею и надавила на поршень. А потом – стоило Дэниелу открыть рот – почти не глядя, сунула кляп обратно. И, выронив остальные шприцы, выбежала из допросной.

Глава 7

Алекс просто была не в форме, вот и все. Прошло ведь целых три года. Поэтому она и начала чувствовать... всякое. Поэтому объекту удалось на нее повлиять. Ничего такого, просто она слишком долго была вне игры. Однако она по-прежнему способна восстановиться.

Во время раунда Алекс вошла в допросную, чтобы не дать компьютеру уйти в ждущий режим, но не осталась наблюдать. Она вернулась лишь минут через пятнадцать, когда действие препарата закончилось.

Дэниел лежал, судорожно хватая воздух. Несмотря на то, что боль была куда сильнее, чем в первый раз, он не плакал. На стол медленно стекала кровь – Дэниел ободрал кожу наручниками, уже тоже окровавленными. Для следующего раунда его, возможно, придется парализовать, чтобы не навредил себе еще больше. Тоже, кстати, пугающее ощущение – вдруг действует.

Дэниел задрожал. Алекс на долю секунды даже повернулась к выходу, но вовремя осознала, что захотела принести ему одеяло. Да что такое?!

Соберись.

– Ничего не хочешь рассказать? – тихо спросила она.

– Это не я, – слабо, задыхаясь ответил Дэниел. – Клянусь. Я ничего... не замышляю. Не знаю наркодилера. Жаль, но я не могу помочь. Честно, честно, честно... мне очень жаль, что не могу. Честно.

– Хм-м. Этому методу ты сопротивляешься, значит, придется попробовать новый.

– Со... противляюсь? – прохрипел Дэниел. – Думаешь... я сопро... тивляюсь?

– По правде сказать, я слегка переживаю, что от галлюциногенов совсем крышу снесет – у тебя и так проблемы вот тут. – Алекс постучала пальцами по его влажному лбу. – Наверное, у нас нет выбора и придется обратиться к традиционным методам...

Продолжая рассеянно постукивать Дэниела по голове, она бросила взгляд на поднос с инструментами.

– Ты как, сильно брезгливый?

– Почему. Это. Со мной. Происходит.

Дэниел не ждал ответа на свой прерывистый шепот. Однако Алекс все равно заговорила:

– Потому что именно такое происходит, если планируешь распространить смертельный вирус гриппа в четырех американских штатах, от которого погибнет миллион жителей. Для таких случаев правительство делает исключение. И посылает меня, чтобы развязать тебе язык.

Дэниел уставился на нее, и страх в его глазах сменился шоком.

– Что за жест ты несешь?!

– Да, страшно, отвратительно и подло, я знаю.

– Алекс, это же бред! Кажется, у тебя проблемы.

– Мои проблемы, – бросила она ему в лицо, – заключаются в том, что ты не говоришь, где вирус. Он уже у тебя? Или все еще у де ла Фуэнтеса? Когда обмен? Где?

– Это бред. Ты бредишь!

– Если бы я бредила, то, наверное, наслаждалась бы жизнью куда больше. А сейчас начинаю думать, что они дали задание не тому доктору. Здесь нужен мозгоправ. Понятия не имею, как выманить другого Дэниела!

– Другого Дэниела?

– Того, что я вижу на фото!

Алекс рывком развернулась и схватила несколько снимков со стола, злобно ткнув в клавишу ноутбука по пути.

– Смотри, – приказала Алекс, сунув пачку фотографий Дэниелу под нос, а затем принялась показывать их по одной и ронять на пол. – Тело твое. – Она хлестнула его по плечу снимком. – Лицо твое, видишь? Но выражение на нем не то. Твоими глазами смотрит кто-то другой, Дэниел, и я не уверена, в курсе ты насчет этого или нет.

И снова – узнавание. Дэниел что-то понял.

– Слушай, давай ты пока мне расскажешь, что видишь на снимке.

Алекс приподняла верхнюю фотографию, на которой Другой Дэниел тайком проскальзывал в мексиканский бар через черный ход.

Дэниел в отчаянии уставился на Алекс.

– Я не могу... объяснить... бессмыслица какая-то.

– Ты видишь что-то, чего не вижу я. Что там?

– Он... – Дэниел попытался качнуть головой, но мышцы слишком ослабли, и она едва шевельнулась. – Он похож на...

– На тебя.

– Нет, – шепнул Дэниел. – То есть да, разумеется, он похож на меня, но я вижу различия.

То, как он произнес... *Разумеется, он похож на меня.* Все с той же полной честностью, однако недоговаривая...

– Дэниел, ты знаешь, кто это?

Искренний вопрос, не насмешливый и не риторический. Алекс больше не изображала из себя психиатра, получалось-то все равно скверно. Она впервые за время допроса поняла, что вот-вот раскопает нечто существенное.

– Не может быть, – выдохнул Дэниел и закрыл глаза. Не от усталости, а чтобы не видеть снимок, решила Алекс. – Невозможно.

Она подалась вперед.

– Расскажи, – тихо произнесла она.

Распахнув глаза, Дэниел впился в нее внимательным взглядом.

– Ты уверена? Он собирается убивать?

Дэниел так естественно говорил в третьем лице.

– Сотни тысяч людей, – заверила его Алекс таким же серьезным тоном. И тоже использовала третье лицо: – Он добыл смертельный вирус и собирается распространить его по приказу сумасшедшего наркобарона. Он уже забронировал отели – на твое имя. Он начнет через три недели.

Шепот:

– Я не верю.

– И я не хочу верить. Этот вирус... опасен, Дэниел. Он убьет куда больше людей, чем взрыв бомбы. Остановить эпидемию не получится.

– Но как он может так поступить? Зачем?

Теперь Алекс была почти на шестьдесят пять процентов уверена, что они говорят вовсе не об одной из личностей самого Дэниела.

– Для таких вопросов уже слишком поздно. Сейчас самое главное – остановить его. Кто он, Дэниел? Помоги мне спасти невинных людей.

Его лицо исказилось от боли, но иного рода. Алекс приходилось видеть подобное – когда объект разрывался между желанием сохранить верность и страхом перед пытками. В случае Дэниела это скорее были верность и желание совершить правильный поступок.

Алекс ждала его ответа. Царила полная тишина. И вдруг сквозь двойной слой пороллона донесся гул небольшого винтового самолета. Причем очень низко.

Дэниел посмотрел вверх.

Алекс напряженно думала. Время замедлило ход.

На лице Дэниела не отразилось ни удивления, ни облегчения. Значит, он не посчитал шум сигналом к спасению или нападению. Дэниел просто отреагировал, как обычный человек при звуке сработавшей автомобильной сигнализации – ничего важного, но отвлекает.

Алекс подскочила к столу за нужным шприцем, ощущая, будто двигается в замедленной съемке.

– Алекс, не надо, – покорно произнес Дэниел. – Я расскажу.

– Тс-с, – шепнула она.

А затем наклонилась над его головой, чтобы ввести препарат – на этот раз в капельницу.

– Я погружу тебя в сон. – Алекс потрепала Дэниела по щеке. – Боли не будет, обещаю.

В его глазах мелькнуло осознание – он понял, что поведение Алекс связано с раздавшимся сверху шумом.

– Мы в опасности? – прошептал он.

Мы. Ого. Снова интересный выбор местоимения. Да уж, Алекс с такими объектами еще не сталкивалась.

– Не знаю, как ты, – произнесла она, когда его глаза закрылись. – А вот я – да, черт возьми.

Раздался мощный удар – не совсем рядом с коровником, но все-таки, по мнению Алекс, слишком близко.

Она аккуратно надела на Дэниела респиратор, потом натянула свой и прикрутила картридж. Это не учебная тревога. Алекс оглянулась на компьютер – еще примерно десять минут. Неуверенная, хватит ли их, она ткнула в пробел. А затем нажала кнопку на черной коробочке, и огонек на ее боку часто замигал. После этого Алекс вновь накрыла Дэниела одеялом – почти машинально.

Алекс выключила лампы – гореть остался только яркий экран ноутбука – и вышла из допросной. В коровнике было темно. Выставив руки перед собой, Алекс нащупала около раскладушки сумку и вслепую, благодаря годам практики, надела самую доступную часть своей экипировки. Сунула за пояс пистолет. Вытащила шприц и, вогнав иглу в бедро, до упора вдавила поршень. Приготовившись, насколько это было возможно, Алекс прокралась в дальний угол допросной, где будет темнее всего, если противник войдет с фонариком. Сняла пистолет с предохранителя и сжала его обеими руками. А затем приложила ухо к стыку пластов поролона и прислушалась, ожидая, что кто-то вот-вот откроет ворота или окно и умрет.

Секунды всё тянулись. Мозг лихорадочно просчитывал варианты.

Вряд ли за ней отправили большой отряд. Ни одна стоящая группа захвата или ликвидации никогда не выдаст себя шумным самолетом. Есть куда более действенные и тихие способы приблизиться. И, во всяком случае, даже если за ней без предварительного инструктажа выслали многочисленную команду штурмовиков, чтобы те попросту задавили Алекс силой, они прилетели бы на вертолете. Самолет, судя по звукам, был крошечный – трех- или, скорее всего, двухместный.

Если по ее душу вновь явился одинокий убийца, как и было в прошлый раз, тогда о чем он думает? Зачем себя выдает? Такой самолет использовал бы человек, которому не хватает ресурсов, но при этом он очень спешит. Время для него куда важнее незаметности.

Кто же он? Явно не де ла Фуэнтес.

Во-первых, маленький самолет – совершенно не в стиле наркобарона. Алекс сразу представила отряд внедорожников и кучку головорезов с пулеметами.

Во-вторых, у нее появилось предчувствие.

Нет, до детектора лжи Алекс было далеко. Хорошие профессиональные лжецы могли обвести вокруг пальца любого – что человека, что машину. Работа Алекс заключалась не в чтении правды в бегающем взгляде объекта или в путаном клубке противоречий. А в том, чтобы ломать объект до тех пор, пока от него не останется лишь покорная плоть и рассказ. Алекс была лучшей не потому, что умела отличить правду от лжи. А потому, что прекрасно

понимала возможности человеческого тела и была гением в химии. Алекс точно знала, сколько выдержит организм и как подтолкнуть его к этой грани.

Так что в предчувствиях она была не так уж сильна. И даже не помнила, когда в последний раз на нее накатывало подобное ощущение.

Алекс верила – Дэниел не лгал. Ей стало не по себе во время допроса только потому, что Дэниел говорил правду. Де ла Фуэнтес за ним не явится. И никто другой тоже, ведь Дэниел – всего лишь учитель английского и истории, тренер команды по волейболу. Значит, ищут саму Алекс.

Почему именно сейчас? Неужели департамент отслеживал ее целый день и наконец обнаружил? Может, до них дошло, что они заподозрили не того человека, и теперь пытаются спасти Дэниела?

Исключено. Они знали все заранее. У них есть доступ к слишком большому количеству информации; так их не провести. Досье не было полностью поддельным, лишь местами подтасованным. Департамент намеренно отдал ей в руки не того человека.

К горлу на мгновение подкатила тошнота. Алекс пыталась невиновного. Эту мысль пришлось затолкать подальше. Отдаться во власть сожалений можно и потом, если сейчас Алекс выживет.

Она опять склонилась к первому варианту – тщательно продуманная ловушка, а не грядущая катастрофа. Алекс все еще считала, что де ла Фуэнтес действительно представляет угрозу, но уже не верила, что эта угроза так близка, как ей представили. Подогнать в досье по времени – проще всего. Вот и первая подтасовка – сжатые сроки. Алекс вновь вернулась к игре с низкими ставками – спасти свою жизнь. И Дэниела, если получится.

Алекс попыталась отмахнуться от мысли, которая показалась ей чуть ли не знамением – что ставки каким-то образом удвоились. Лишнее бремя ей ни к чему.

Может, кто-то другой – одаренное, но ни о чем не подозревающее дитя, что заняло ее место в департаменте, – уже работает с настоящим террористом. Может, они считают, что Алекс больше не способна добывать информацию. Но зачем тогда ее привлекли? Может, террорист мертв, а им нужен козел отпущения. Может, они уже давно обнаружили двойника и держали его про запас. А теперь Химик заставит его признаться в чем-нибудь, и они замнут неприятную ситуацию?

Впрочем, это все равно не объясняло, откуда взялся неожиданный визитер.

Время наверняка шло к пяти утра. Может, это всего лишь фермер, который предпочитает начинать работу пораньше и знает местность настолько хорошо, что с легкостью летает без радара между высокими деревьями, да еще и в непроглядной темноте, и явно наслаждается аварийной посадкой, чтобы пощекотать нервишки...

Сквозь респиратор доносилось хриплое дыхание Дэниела. Алекс задумалась, правильно ли поступила, погрузив его в сон. Дэниел стал таким... уязвимым. Беззащитным. Департамент уже продемонстрировал, насколько их беспокоит его благополучие. И Алекс оставила его посреди комнаты, связанным и беспомощным, легкой мишенью. Дэниел этого не заслуживал. Однако первой реакцией Алекс было его нейтрализовать. Отпускать – небезопасно. Разумеется, он тут же бы напал, желая отомстить. Если дело дойдет до грубой силы, преимущество на стороне Дэниела. И Алекс не хотелось отравить его или пристрелить. А так, по крайней мере, его кровь будет не на ее руках.

Алекс по-прежнему чувствовала себя виноватой. Мысль о том, как беззащитный Дэниел лежит в темноте, скреблась где-то на периферии мозга, словно наждак по мягкой ткани, выдергивая ниточки концентрации.

Слишком поздно.

Донесся едва слышный звук – снаружи кто-то шевельнулся. Коровник окружен густыми кустами с жесткой, шуршащей листвой. Именно там и сидел этот кто-то, стараясь заглянуть в окна. А что, если он просто прошьет стену из «узи»? Шум-то его явно не беспокоит.

Может, опустить стол, чтобы Дэниел не попал под пули?.. Алекс смазала механизм заранее, но все равно не была уверена, что он не скрипнет.

Она метнулась к столу и как можно быстрее опустила его. Ножки все-таки заскрипели, негромко и низко. Однако такой звук вряд ли был слышен за стенами коровника, с учетом поролона на «стенах» палатки. Алекс отскочила обратно в свой угол и прислушалась.

Опять шуршание. Незнакомый переместился ко второму окну, на другом конце коровника. Провода ловушек достаточно незаметны, но не невидимы. Алекс надеялась, что незнакомец просто высматривает цель. Проверял ли он дом? Почему не вошел туда?

Вновь звуки со стороны очередного окна.

«Да открой ты его уже, – мысленно обратилась к незнакомцу Алекс. – Забирайся внутрь, давай».

Вдруг раздалось непонятное шипение, а потом лязг сверху. И удары – *бум-бум-бум!* – настолько громкие, что коровник будто содрогнулся. Сначала Алекс подумала о маленьких взрывных устройствах и машинально присела на корточки в защитную позу, но уже в следующий миг поняла: звуки не такие уж оглушительные. Просто кажутся громкими из-за тишины вокруг. Стекла не разлетелись, металл не разошелся. Могла ли вибрация нарушить соединение проводов? Вряд ли.

А потом до Алекс дошло – удары переместились вверх по стене и замерли. Ровно над ней.

Дело дрянь... Он лез через крышу.

Алекс тут же вскочила и припала глазом к щели в палатке. Все еще слишком темно. Сверху донеслось шипение ацетиленовой горелки. У незваного гостя она тоже имелась.

Вся подготовка пошла насмарку. Алекс оглянулась на Дэниела – он в респираторе, значит, не пострадает – и рванула прочь из палатки, пригибаясь и выставляя руки вперед, чтобы ни во что не врезаться, к бледному лунному свету, проникающему сквозь ближайшее окно. Путь преграждали доильные станки, однако Алекс помнила кратчайший маршрут и почти бегом добралась до свободного пространства за палаткой. Под руку попался доильный аппарат. Обогнув его, Алекс потянулась к окну...

И нечто невероятно твердое и тяжелое отшвырнуло ее на пол лицом вниз, вышибив из легких весь воздух. Пистолет отлетел в темноту. Алекс ощутимо ударилась головой о бетон – из глаз брызнули искры.

Кто-то схватил ее за запястья и резко поднял, чуть не вывихнув ей плечи. Алекс охнула. Большие пальцы прокрутили кольца, обнажая шипы.

– А это еще что? – раздался сверху мужской голос.

Противник перехватил оба ее запястья одной рукой, а другой сорвал с лица Алекс респиратор.

– Что ж, видимо, все-таки не смертница, – задумчиво произнес он. – Дай угадаю, те провода не к взрывчатке подсоединены, верно?

Алекс забарахталась под ним, выворачивая запястья и пытаясь царапнуть его кожу кольцами.

– Кончай уже, – приказал он и врезал Алекс по голове чем-то твердым – наверное, респиратором.

Она ткнулась лицом в пол – губа треснула, заполняя рот вкусом крови – и напряженно замерла. На столь близком расстоянии ее полоснул лезвием по сонной артерии. Или задушат проволокой. Алекс надеялась на лезвие. Боли от разреза не будет – благодаря декстроамфетамину в крови, – а вот удушье она почувствует наверняка.

– Вставай.

Вес, давивший на спину, сместился, и противник потянул Алекс за запястья. Она поспешила подняться, чтобы уменьшить давление на плечи. Руки еще пригодятся в рабочем состоянии.

Он стоял сзади, но по его дыханию Алекс сообразила, что он высок. Противник продолжил тянуть, пока она не оказалась на цыпочках, отчаянно пытаясь сохранить сцепление с полом.

– Так, коротышка, сейчас ты кое-что для меня сделаешь.

Для драки у нее не хватало навыков. Она была слишком слаба, чтобы высвободить запястья. Оставалось лишь надеяться на средства, которые она сумела приготовить.

Алекс позволила телу на мгновение повиснуть на руках и стукнула левым носком о пол так, чтобы из каблука вылетел нож (переднее лезвие пряталось в подошве правой туфли). А затем неловко ударила пяткой туда, где по идее были ноги противника. Он отскочил, ослабив хватку, и Алекс вырвалась на свободу. Развернувшись, она вскинула левую руку для пощечины, однако не дотянулась – противник оказался слишком высок. Шип царапнул по чему-то твердому на груди – бронежилету.

Подсечка – Алекс упала и тут же откатилась в сторону. Но противник мигом ее оседлал и, схватив за волосы, опять впечатал лицом в бетонный пол. Нос хрустнул; по губам и подбородку потекла кровь.

– Игры кончились, дорогуша, – наклонившись к ее уху, произнес противник.

Алекс попыталась врезать ему головой. Затылок соприкоснулся не с лицом, а с чем-то... неровным, металлическим...

Очки ночного видения. Так вот почему он так легко дрался.

Он отвесил Алекс подзатыльник. Если бы только на ней были сережки...

– Серьезно, прекращай. Сейчас я тебя отпущу. Я тебя вижу, ты меня – нет. У меня пистолет, так что еще одна глупая выходка – и я прострелю тебе колено, сечешь?

Говоря это, он сорвал с Алекс сначала одну туфлю, потом другую. Карманы не проверил – скальпельные лезвия и шприцы в поясе оставались на месте. Противник соскочил с Алекс. Раздался звук шагов и щелчок предохранителя.

– Что ты... от меня хочешь? – спросила Алекс, старательно изображая голос испуганной девчонки. Вот тут треснутая губа оказалась очень кстати. Алекс представила свое лицо – наверняка то еще зрелище. Когда действие препарата закончится, будет чертовски больно.

– Убери ловушки и открой ворота.

– Мне надо... – Алекс пару раз шмыгнула носом, – ...включить свет.

– Без проблем. Все равно сменю очки на твой респиратор.

Алекс уронила голову, надеясь скрыть выражение лица. Как только он наденет респиратор, девяносто процентов ее обороны станут бесполезны.

Она прохромала – не слишком ли фальшиво?.. – ко входу и щелкнула выключателем. Других вариантов пока не было. Если противник не убил ее на месте, значит, он здесь не по приказу департамента. Значит, преследует собственные цели. Придется выяснить, чего он хочет, и как можно дольше отвлекать его от исполнения задуманного.

Плохие новости заключались в том, что открытые ворота были ему нужны явно не только для того, чтобы быстро отступить. Скорее всего там его ждет подкрепление – что еще заметнее уменьшало шансы Алекс выжить. *Или шансы Дэниела*, добавил голосок в голове. Как будто ей и так мало стресса! Но Дэниел оказался здесь из-за нее. Алекс чувствовала себя виноватой, она была перед ним в долгу.

Когда Алекс повернулась, щурясь от яркого верхнего света, противник стоял поодаль. Ростом он был около шести футов и трех-четырёх дюймов. Белокожий, судя по неприкрытому подбородку и шее. Вот и все, что смогла выяснить Алекс, так как остальное его тело скрывал сплошной черный комбинезон, напоминающий костюм аквалангиста, но не гладкий,

а с выступающими пластинами. Торс, руки, ноги – все под защитой. Противник был достаточно мускулист, хотя так могло отчасти казаться из-за кевлара, и обут в тяжелые всепогодные ботинки, также черные. На голове – черная вязаная шапка и скрывающий лицо респиратор Алекс. На плече висела снайперская винтовка «Макмиллан ТАК-50». Теорию Алекс знала назубок – несложно стать экспертом по любому вопросу, если все свободное время посвящать учебе. Тип и марка оружия могли многое рассказать о противнике или любом подозрительном человеке с улицы. Этот же был вооружен не только винтовкой. На бедре – кобура с бесшумным пистолетом «Хай Стандарт Эйч-Ди-Эм», а в правой руке – «ЗИГ Зауэр П220», направленный Алекс в колено. Правша, отметила она, не сомневаясь, что с такого расстояния он попадет точно в цель. А уж из винтовки достанет ее вообще откуда угодно.

Противник напомнил Алекс Бэтмена, разве что без шлема с ушами. А еще Бэтмен вроде бы никогда не использовал огнестрел. Но если бы использовал, то наверняка выбрал бы именно эти образцы.

Если не удастся заставить убийцу снять респиратор, то неважно, сколько его дружок-суперсолдат ждет снаружи. Он и сам легко ее пристрелит, как только получит желаемое.

– Сними ловушки.

Алекс поплелась к воротам, изобразив по пути краткий приступ головокружения, чтобы выиграть побольше времени и все обдумать. Кому выгодно оставлять ее в живых? Может, он охотник за головами? Думает, что сумеет продать Алекс департаменту? Если ее действительно заказали, то врагов вполне устроит как раз одна голова. Значит, он еще и шантажист? «У меня есть кое-кто нужный вам, и я отпущу этого кое-кого обратно на волю, если награда не удвоится». Умно. Департамент точно заплатит.

Алекс пока не могла придумать версию получше.

Система не была сложной – три группы проводов. Первая располагалась в кустах слева от ворот, слегка присыпанная землей. Вторая проходила между створками ворот, настолько хрупкая, что распалась бы от малейшего движения. Третья – заткнута под деревянную обшивку стены так, что наружу торчали три проводка, отделенные друг от друга на дюйм. Цепь оставалась под напряжением, пока соединены только два провода. Алекс задалась вопросом, не сделать ли вид, что все обстоит куда сложнее, но затем решила, что нет смысла. Противнику достаточно лишь взглянуть на ловушку, и он все поймет.

Алекс плотно прикрутила друг к другу концы третьего провода и отошла.

– Все... отключила, – намеренно произнесла она дрогнувшим голосом в надежде одурачить противника, мол, он выбил из нее всю способность сопротивляться.

– Не соизволишь? – предложил тот.

Хромая, Алекс подошла к другой стороне ворот и оттянула створку, попутно высматривая в темноте головы его товарищей. И ничего не увидела, кроме дома вдаль. А потом опустила взгляд и оцепенела.

– Это что?! – громким шепотом изумилась Алекс.

На самом деле она даже не обращалась к собеседнику – просто не сдержала шок.

– Это, – отозвался он тоном, который можно было назвать омерзительно самодовольным и никак иначе, – сто двадцать фунтов мышц, когтей и клыков.

Должно быть, мужчина подал некий знак – Алекс не заметила, ведь не сводила глаз с «подкрепления», – и зверь рванул вперед, к нему. Крупный пес напоминал немецкую овчарку, но был совершенно черным. Волк?..

– Эйнштейн, – обратился противник к зверю. Тот поднял голову, чутко слушая. Мужчина ткнул в Алекс рукой и произнес одно слово, явно команду: – Контроль!

Пес – или волк – ринулся в атаку, вздыбив шерсть. Алекс попятилась и, уткнувшись спиной в створку ворот, выставила руки перед собой. Пес вдруг замер, готовый наброситься, и обнажил огромные острые клыки. А затем глухо зарычал.

Для этой команды больше подошло бы слово «устрашение».

Алекс думала засадить в шкуру пса отравленный шип, но засомневалась, хватит ли длины, чтобы пробить густой мех. Да и вряд ли этот монстр позволит похлопать его по спинке.

Недо-Бэтмен слегка расслабился. Или Алекс просто показалось. Сложно сказать наверняка, что происходит с мышцами под защитой.

– Ну ладно, раз уж лед тронулся, давай поговорим.

Алекс молча ждала.

– Где Дэниел Бич?

Она попыталась скрыть шок, однако невольно ощутила, как он все же прорвался наружу. Теории и предположения вновь закружились вихрем, переворачиваясь с ног на голову.

– Отвечай!

Алекс не знала, что сказать. Неужели департамент хочет первым делом избавиться от Дэниела? Убедиться, что все хвосты аккуратно подчищены? От мысли о лежащем посреди палатки, лишенном сознания и беспомощном Дэниеле Алекс замутило от страха.

Бэтмен, разозлившись, шагнул ближе. Пес тут же сдвинулся, пропуская хозяина, но зарычал громче. Мужчина грубо ткнул Алекс под челюсть дулом «ЗИГ Зауэра».

– Если он мертв, – прошипел Бэтмен, – то ты ему позавидуешь. Ты меня о смерти умолять будешь.

Алекс чуть не фыркнула. Ну ударит ее этот головорез пару раз. Если фантазии хватит, то немного порежет. А потом пристрелит. Он ведь понятия не имеет, как причинять и поддерживать настоящую боль.

Однако в угрозах была подсказка – Бэтмен явно хочет заполучить Дэниела живым. Значит, у них есть что-то общее.

Сопротивляться пока бесполезно. Следовало убедить Бэтмена, что она вышла из игры. Заставить его расслабиться. И попасть к компьютеру.

– Дэниел в палатке, – кивнула в нужную сторону Алекс, держа руки поднятыми. – С ним все хорошо.

Бэтмен на мгновение задумался.

– Ладно, дамы вперед. Эйнштейн! – рявкнул он и указал на палатку: – Веди!

Гавкнув в ответ, зверь ткнул Алекс носом в бедро и слегка прикусил.

– Ай! – вскрикнула она, отскакивая.

Пес пристроился сзади и снова ткнул ее носом.

– Просто топай к этой своей палатке, медленно и спокойно, и он не тронет.

Алекс совершенно не нравилось присутствие пса в тылу, однако она двинулась вперед, продолжая притворяться хромой, и мельком посмотрела назад.

– Не переживай, – весело произнес Бэтмен. – Люди не очень-то вкусные. Он не хочет тебя съесть. Если я, конечно, не прикажу.

Алекс пропустила насмешку мимо ушей и медленно приблизилась к занавешенному входу.

– Держи открытым, – потребовал Бэтмен.

Из-за поролоновой звукоизоляции брезент был жестким. Алекс отвела его в сторону, насколько смогла. Внутри было почти темно – светились только белый экран ноутбука и тускло-зеленые мониторы. Алекс, зная, что и где находится, различила фигуру под одеялом – буквально в футах от пола. Грудь Дэниела ровно поднималась и опускалась.

Долгое молчание.

– Прикажешь... включить... лампы? – поинтересовалась Алекс.

– Стоять.

Бэтмен приблизился сзади, и в ее шею, чуть ниже линии волос, уперлось холодное дуло пистолета.

– Что это тут у нас? – пробормотал Бэтмен.

Алекс замерла. Затянутые в перчатки пальцы коснулись кожи рядом с дулом. Алекс сообразила: Бэтмен заметил шрам.

– Хм, – буркнул он и убрал руку. – Ладно, где выключатель?

– На столе.

– Где стол?

– В десяти футах от входа, справа. Там экран ноутбука.

Снимет ли он респиратор ради очков ночного видения?..

Пистолет перестал давить в шею. Бэтмен отодвинулся, а вот пес продолжал упираться носом прямо в задницу Алекс.

Что-то с шипением скользнуло по полу. Алекс различила, как мимо ее ноги мелькнул шнур ближайшего фонаря. Раздался стук падения, однако звона стекла не последовало.

Бэтмен подтащил фонарь к себе и щелкнул выключателем. На мгновение Алекс понадеялась, что фонарь все-таки сломался, но затем вспыхнул свет.

– Контроль, – приказал Бэтмен псу. Зверь вновь зарычал, и Алекс напряглась, стараясь не шевелиться.

Бэтмен шагнул в палатку. Луч фонаря прошелся по стенам, а потом замер на теле посреди помещения. Бэтмен ловко и абсолютно бесшумно двинулся вперед – он явно был натасканным бойцом, – и первым делом проверил все углы в поисках направленного на Дэниела оружия. А потом присел на корточки и, скинув одеяло, тщательно осмотрел окровавленные наручники и капельницу. Проследил за датчиками, подключенными к мониторам, которые тоже изучил внимательным взглядом. Поставил фонарь на пол, направив его вверх, чтобы получить больше освещения. И, наконец, бережно стянул с лица Дэниела респиратор.

– Дэнни... – Расслышала Алекс шепот.

Глава 8

Сорвав правую перчатку, Бэтмен прижал два пальца к сонной артерии Дэниела. Затем наклонился, прислушиваясь к дыханию. Алекс рассмотрела руку противника – светлая кожа, пальцы настолько длинные, будто в них был лишний сустав, такие... знакомые.

Бэтмен потряс Дэниела за плечо и позвал чуть громче:

– Дэнни?

– Он под снотворным, – отозвалась Алекс.

Бэтмен вскинул голову – лица она не видела, зато ощутила яростный взгляд, – и вдруг вскочил. Рванув к Алекс, он схватил ее за руки и вновь вздернул их вверх.

– Ты что с ним сделала?! – прокричал он.

Тревога за Дэниела испарилась. *Дэнни* будет в полном порядке. Теперь беспокоиться надо только о себе.

– С ним все в норме, – спокойно ответила Алекс, бросив строить из себя раненую девушку. – Проснется примерно через два часа, в хорошем самочувствии. Могу разбудить раньше, если хочешь.

– Это вряд ли, – прорычал противник.

Несколько секунд они играли в гляделки – Алекс так и не поняла, кто победил, ведь она видела в стеклах респиратора лишь собственное отражение.

– Ладно, – наконец продолжил Бэтмен. – Пойдем, присядешь.

Ловким движением он завел ей кисти за спину и стиснул правой рукой – в левой он, должно быть, держал пистолет, – а затем заставил пройти к складному стулу. Алекс покорно шагала, ощущая рядом тяжелое, жаркое дыхание пса.

Она была почти на семьдесят процентов уверена, что сумеет вывернуть запястье и оцарапать обнаженную кожу противника, однако не стала и пытаться. Несмотря на риск, Бэтмен пригодится ей живым. В картине происходящего зияла крупная дыра, а он мог дать ответы хотя бы на некоторые вопросы. И Алекс осторожно спрятала шипы обратно.

Она не сопротивлялась, когда Бэтмен усадил ее – не очень-то бережно – на стул, а потом перехватил кисти спереди и зафиксировал кабельной стяжкой.

– Сдается мне, ты из тех, чьи руки лучше держать на виду, – пробормотал он, привязывая ее лодыжки к стулу.

Все это время пес не мигая смотрел на нее, держа морду прямо перед ее лицом. На рукав капнула теплая слюна. Фу.

Бэтмен прикрутил ее локти к спинке стула все теми же стяжками и выпрямился, возвышаясь над ней темной и страшной фигурой. Длинный, оснащенный глушителем ствол «Эйч-Ди-Эма» замер в нескольких дюймах от лба Алекс.

– Выключатель от верхних ламп вон там. – Она указала подбородком в сторону удлинителя на несколько розеток, в которые были воткнуты два одиночных, на дальнем краю стола.

Бэтмен посмотрел в том же направлении – наверное, с подозрением.

– Слушай, если там ловушка, то я умру первой, – заметила Алекс.

Он что-то проворчал, но все-таки дотянулся до выключателя и щелкнул кнопкой.

Лампы вспыхнули. И палатка вдруг перестала казаться злой. Теперь она, благодаря медицинскому оборудованию, скорее напоминала полевой госпиталь в зоне боевых действий. Не вписывался только пыточный набор на подносе, разумеется. Бэтмен как раз к нему и повернулся.

– Реквизит, – пояснила Алекс. И вновь ощутила на себе полный ярости взгляд.

Бэтмен мельком взглянул на Дэниела, обнаженного, но без видимых повреждений, и опять обратил внимание на Алекс.

– Почему мигает? – требовательно спросил он, указав на черную коробочку с панелью.

– Сообщает, что дверь не защищена, – спокойно солгала Алекс. На самом деле коробочка ни к чему не подключалась, а служила обманкой и отвлекала от настоящей ловушки.

Бэтмен кивнул, а потом наклонился к компьютеру. Ни открытых документов, ни файлов на рабочем столе. Только простой фон со светлым геометрическим узором – серый, с мелкими белыми квадратами.

– Где ключи? – Бэтмен указал головой в сторону Дэниела.

– Под столешницей, приклеены скотчем.

Алекс показалось, что он снова уставился на нее из-за стекол респиратора. Она заставила себя сохранить спокойный и покорный вид, а мысленно взмолилась: «Сними, сними, сними!»

Бэтмен пинком опрокинул ее стул.

Левая рука и бедро впечатались в пол с силой, предвещающей немало синяков, но Алекс успела напрячь шею и спасти голову от очередного удара о бетон. Если в прошлый раз ей повезло не получить сотрясение, то лучше и дальше продолжать в том же духе. Мозги нужны в рабочем состоянии.

Схватив стул за спинку, Бэтмен рывком вернул его в вертикальное положение. Алекс заметила в правой руке ключи.

– Можно было и без этого.

– Эйнштейн, контроль!

Снова рычание и капающие слюны.

Бэтмен быстро расстегнул наручники Дэниела.

– Что в капельнице?

– Верхний пакет – физраствор, нижний – нутриенты.

– Да ладно. – Сарказм. – И что будет, если я вытащу катетер?

– Когда Дэниел проснется, дашь ему воды. Только не бери бутылки, которые стоят в мини-холодильнике слева. Они отравлены.

Бэтмен развернулся к Алекс, стягивая респиратор, чтобы взглянуть на нее еще выразительнее, и одновременно сдергивая с головы пропитанную потом вязаную шапку.

Да-а-а-а!

Респиратор полетел на пол. Алекс постаралась ничем не выдать облегчение.

– Ты сменила тактику, – кисло заметил Бэтмен, пробегая пальцами свободной руки по влажным коротким волосам. – Или отравленные бутылки на самом деле справа?

Алекс подняла на него спокойный взгляд.

– Я принимала тебя за кое-кого другого.

И тут она посмотрела на него внимательнее.

Сил, чтобы скрыть удивление, у нее уже не осталось. В голове вновь завертелись теории, однако теперь кое-что встало на места.

Бэтмен ухмыльнулся, осознав, что именно поразило Алекс.

Как много подсказок она пропустила...

Фотографии, на которых изображен Дэниел, и в то же время не Дэниел.

Лакуны в досье, недостающие снимки.

Сроки, даты, дни рождения – то, что так легко подтасовать.

Странное нежелание Дэниела верить в то, что он увидел на снимках разведчиков.

Его внутренняя борьба.

Такие длинные пальцы.

– Другой Дэниел, – прошептала Алекс.

Ухмылка исчезла.

– Чего?

Алекс не сдержалась и закатила глаза, вздохнув. Слишком уж все происходящее напоминало нелепые мыльные оперы, которые так любила мать. О, это разочарование от каждого проведенного с ней выходного. Дни, потерянные за просмотром затянутых, неправдоподобных сериалов. В них никто не умирал по-настоящему; все герои возвращались обратно. И, конечно, близнецы. Дело всегда было в близнецах.

Впрочем, эти все-таки отличались. Дэниел обладал тонкими, мягкими чертами. Бэтмен, жесткий и собранный, состоял словно из острых углов. Его глаза казались более темными – может, из-за тени от нахмуренных бровей. Волосы – волнистые, того же цвета – были коротко обрезаны, как и следовало ожидать от агента. Судя по более мощной шее, Бэтмен качался. Не слишком много – иначе не сошел бы за своего брата на снимках. Просто обладал крепкими, сильнее очерченными мышцами.

– Кевин Бич, – ровным голосом произнесла Алекс. – Ты живой.

Он присел на край стола. Алекс проследила взглядом, не позволяя себе посмотреть на светящиеся прямо у его локтя часы на мониторе.

– А ты кого ждала?

– Вариантов было несколько. И при любом из них меня и твоего брата хотели бы устранить. – Алекс покачала головой. – Поверить не могу, что клюнула.

– На что?

– Дэниел даже никогда не встречался с де ла Фуэнтесом, верно? Только ты.

Начавший было расслабляться Кевин вновь насторожился.

– Чего?

Алекс кивнула на разбросанные по полу снимки. Кевин, казалось, только что их заметил. Сначала он просто наклонился, рассматривая, а потом схватил одно из фото. Затем второе, третье. И смял их.

– Где ты их взяла?!

– Любезно предоставлено маленьким департаментом, работающим на американское правительство... совершенно неофициально. Раньше я числилась в штате. А сейчас меня наняли как фрилансера.

Лицо Кевина исказилось от ярости.

– Они строго засекречены!

– Не поверишь, какой у меня уровень допуска.

Кевин схватил Алекс за воротник футболки и поднял ее вместе со стулом на пару дюймов от пола.

– Ты кто такая?

Алекс сохраняла спокойствие.

– Я расскажу все, что знаю. Меня провели, и я рада этому не больше твоего.

– Как тебя зовут?

Она заговорила – настолько медленно, насколько могла, не вызывая при этом подозрений.

– Раньше меня звали доктор Джулиана Фортис, но сейчас это имя вписано в свидетельство о смерти.

Алекс проследила за лицом Кевина, пытаясь понять, знакома ли ему эта информация. Ответ пока что был отрицательным.

– Я работала под руководством департамента. Другого названия у него нет. Официально его не существует. Он сотрудничает с ЦРУ и некоторыми секретными службами. Спец по допросам.

Кевин вновь присел на край стола.

– Три года назад кто-то решил избавиться от двух ведущих сотрудников. А именно – от меня и моего наставника, доктора Джозефа Барнаби.

По-прежнему ноль реакции.

– Не знаю, почему. Однако у нас был доступ к невероятно конфиденциальной информации. Наверное, мы узнали что-то лишнее. Они убили доктора Барнаби и попытались прикончить меня. С тех пор я в бегах. Четыре раза меня находили. Трижды подсылали киллера. А вот в последний раз – извинились.

Кевин сощурился.

– Сказали, что у них возникла проблема, что им нужна моя помощь. Выдали стопку документов по де ла Фуэнтесу, а твоего брата обозначили как сообщника. По их версии, через три недели Дэниел распространит супервирус по юго-западу Америки. И у меня три дня, чтобы выяснить, где вирус и как разрушить планы де ла Фуэнтеса.

Кевин покачал головой.

– Тебе рассказали так много? – недоверчиво спросил он.

– Основной частью моей работы была борьба с терроризмом. Я знаю, где хранятся все боеголовки и «грязные» бомбы.

Кевин сжал губы и наконец принял решение.

– Ну, раз уж ты и так столько знаешь, то я не очень-то нарушу протокол, если расскажу, что ликвидировал де ла Фуэнтеса полгода назад. О его смерти знают немногие. Остаток картеля хранит все в тайне – не хотят показаться конкурентам уязвимыми.

Алекс с удивлением поняла, что ей стало легче. Знание о том, что столько людей обречены на мучительную смерть, давило на нее куда сильнее, чем она думала раньше.

– Точно, – выдохнула Алекс. – Теперь ясно.

Очевидно, департамент не настолько безжалостен. Они использовали угрозу жуткой катастрофы, чтобы выманить Алекс, но не подвергали мирных жителей реальной опасности.

– А «Змея»?

Кевин вопросительно посмотрел на Алекс.

– Прости, это департамент их так называл. Внутренние террористы?

– Служивцы прикончили двоих из трех лидеров и зачистили всю южную ячейку. Выживших нет.

Алекс натянуто улыбнулась.

– Ты допросчик, – неожиданно ледяным тоном произнес Кевин. – Живодер.

Она приподняла подбородок.

– Да.

– И ты пыталась моего брата ради информации, которой у него нет.

– Да. По крайней мере, начала.

Кевин ударил ее. Голова мотнулась в сторону. Стул пошатнулся, но Кевин вернул его в устойчивое положение.

– Ты заплатишь, – пообещал он.

Алекс шевельнула челюстью, проверяя, не треснула ли кость. Убедившись, что все в относительном порядке, она ответила:

– Не уверена, но думаю, что именно поэтому они с ним так и поступили. Поэтому и скормили мне всю эту тщательно проработанную историю.

– И почему же? – процедил Кевин.

– Они никак не могли меня убить. И, наверное, решили, что с задачей справишься ты.

Он стиснул зубы.

– Чего я, впрочем, не понимаю, – продолжила Алекс, – так это почему они не попросили тебя напрямую. Или, скорее, не приказали. Разве что, если... ты больше не в ЦРУ? – предположила она.

Кевина выдало оружие. Во время расследования Алекс выяснила, что агенты ЦРУ чаще всего вооружены именно пистолетом марки «Эйч-Ди-Эм».

– Если ты обо мне не подозревала, то откуда узнала, где я работаю? – требовательно спросил Кевин.

Уже где-то на середине вопроса Алекс краем глаза заметила, как яркий экран потух. И как можно незаметнее поглубже вдохнула через нос.

– Отвечай, – прорычал Кевин, замахаясь.

Алекс молча смотрела на него, задержав дыхание. Кевин помедлил, хмурясь, и вдруг распахнул глаза. Он рванулся к респиратору, но не успел и рухнул на пол, отключившись.

Раздался еще один глухой удар – рядом со стулом рухнул пес.

Во время тренировок Алекс однажды сумела задержать дыхание на минуту и сорок две секунды. Повторить подвиг ей с тех пор не удавалось. Кислород обычно заканчивался где-то через минуту пятнадцать – но и этот результат куда выше среднего. Объем легких стал для Алекс жизненно важен. Ей, конечно, не удалось продышаться заранее, однако сейчас ей хватило бы и минуты.

Подпрыгивая вместе со стулом, Алекс подобралась к неподвижному Бэтмену и рывком упала на его спину коленями. С руками, связанными впереди, это было несложно... относительно. Кевин Бич оставил респиратор Дэниела на полу. Алекс подцепила его одним пальцем, а затем навалилась на спинку стула и вернула его на четыре ножки. Как можно ближе наклонив лицо к рукам, она натянула респиратор и плотно прижала к коже резиновые края маски. Алекс шумно выдохнула, чтобы очистить полость респиратора, и только потом осторожно вдохнула.

Если внутри осталось немного химиката – ничего страшного. Алекс неплохо натренировала организм и придет в себя гораздо раньше остальных. Но все же хорошо иметь столь большое преимущество по времени.

Алекс подобралась к столу и принялась распиливать стяжку на запястьях о лежащий на подносе скальпель. Пластик быстро поддался. Разрезать остальные путы и вовсе не составило труда.

Сначала – самое важное. Алекс сменила настройки: теперь компьютер уходил в ждущий режим не через двадцать, а через пятнадцать минут.

Поднять Бэтмена, распластавшегося лицом вниз, она не могла. Однако лежал он настолько удачно, что ей удалось пристегнуть его левое запястье и лодыжку к наручникам Дэниела. Ключ, который Кевин беспечно бросил рядом с братом, Алекс спрятала в карман.

Приковывать Дэниела обратно она не стала. Может, зря, но Алекс уже причинила ему столько боли, что это ей казалось нечестным по отношению к нему. И в глубине души Алекс его не боялась. Наверное, тоже зря.

Она забрала у Бэтмена огнестрельное оружие, вытащила из «Эйч-Ди-Эма» и винтовки патроны и ударники. Поставив «ЗИГ Зауэр» на предохранитель, сунула его за пояс. Этот пистолет ей нравился – он выглядел повнушительнее, чем ее собственный «ППК», который Алекс подобрала у доильных станков и сунула к «ЗИГ Зауэру». Все-таки свое оружие привычнее. Пусть будет под рукой.

Отыскав туфли, Алекс спрятала остальное оружие и на обратном пути прихватила ремни для переноски мебели. Поднять пса тоже оказалось непросто, поэтому Алекс, используя ремни, оттащила его в жилую комнатку. Сначала Алекс просто закрыла дверь и ушла – у собак ведь нет больших пальцев, ручку не провернет, – однако мгновение спустя передумала. Пса ведь звали Эйнштейн; кто знает, на что он способен? Алекс огляделась – чем бы подпереть дверь?.. Тяжелое оборудование прикручено к полу. Поразмыслив, Алекс остановилась на серебристом седане. Между палаткой и станками он проедет. Алекс подогнала его прямо к двери и, уперев в нее бампер, поставила автомобиль на ручник.

Затем она закрыла ворота и вновь подключила ловушку. Мельком выглянув наружу, Алекс увидела, что скоро рассветет.

Пора возвращаться к «другому Дэниелу». Стянуть с него Бэт-костюм оказалось сложно. Ткань между кевларовыми пластинами была плотной, словно хрящевая, и пронизанной тонкими кабелями. Испортив два лезвия, Алекс сдалась и решила просто-напросто отогнуть верхние пластины, а ноги, не покрытые таким количеством брони, просто ощупать на предмет спрятанного оружия. На поясище обнаружился нож в чехле и еще по одному в каждой ботинке. Алекс стянула с Кевина носки – на левой ноге не хватало мизинца – но оружия больше не нашла. Правда, в рукопашной оно ему бы даже не понадобилось. Тело Кевина было очень мускулистым. Вся спина испещрена шрамами – какие-то от пуль, другие от лезвий. Был даже ожог. И очень характерный след у линии волос. Кевин тоже удалил чип. Явно уже не работает на ЦРУ. Дезертир? Двойной агент?

Но как он нашел брата?..

Алекс вспомнила нарастающий гул самолета, грохот аварийной посадки – кто-то спешит, подумала она тогда, боится потерять время.

Алекс повернулась к Дэниелу. Придется провести дополнительный осмотр. В прошлый раз она тщательно проверила спину, поэтому сейчас уделила особое внимание животу, паху и бедрам. Стоило сделать это раньше, однако тогда Алекс понимала ситуацию в корне неверно.

Именно спешка – то, как Бэтмен прибыл и напал, – подсказала Алекс, что именно следует искать. Простой маячок показывал бы лишь то, где находится объект, а Дэниел оказался не так уж далеко от дома. Не настолько, чтобы «мертвый» брат ударился в панику и бросился его спасать, увешанный оружием. Значит, маячок отслеживал не только местоположение, и установить его надо было в правильной точке.

Алекс захотелось дать себе пинка – маленький красноватый шрам выглядывал как раз из-под пластыря, которым она закрепила на бедре Дэниела трубку катетера. Алекс сдернула пластырь – всегда лучше делать подобное, когда объект без сознания – и удалила катетер. Все равно Дэниел скоро проснется.

Шрам был крошечным, и под ним ничего не прощупывалось. Наверняка маячок вживлен глубже, рядом с бедренной артерией. Кровяное давление подскочило – от боли во время первого раунда допроса или даже от страха, когда Дэниел только очнулся – и Кевин получил сигнал. И, возможно, не только Кевин, но и все остальные, кто следит за Дэниелом. Маячок придется удалить.

До того, как Дэниел придет в себя, оставалось достаточно времени. Алекс сходила за аптечкой. Натянув перчатки, обезболила место надреза и простерилизовала скальпель – хорошо, что не испортила их все о Бэт-костюм. Протерла кожу йодом и сделала быстрый надрез поверх старого, только длиннее. Ни щипцов, ни пинцета не было, поэтому пришлось аккуратно прощупать надрез одним пальцем внутри, а другим снаружи. Обнаружив устройство – капсулу размером с пастилку от боли в горле, – Алекс относительно легко выдавила его наружу.

Затем она продезинфицировала рану и, стянув края, скрепила их суперклеем.

После этого Алекс обработала содранную кожу на запястьях и лодыжках, наложила повязки. Наконец она укрыла Дэниела одеялом и принесла ему подушку.

Капсула осталась на стальном столе. Тому, кто отслеживает маячок, поступит сигнал, что Дэниел Бич только что скончался. Алекс показалось, что вряд ли кто-нибудь из департамента станет переживать по этому поводу. Теперь она куда лучше понимала их план и была почти уверена, что дело не только в ней одной.

Алекс вышла из палатки – пора позаботиться о собственном лице. Она вытерла кровь и оценила масштаб повреждений. Губа опухла – на трещину хорошо бы наложить шов, но пока Алекс только капнула суперклеем. На щеке содрана кожа, под глазами назревали симметричные «фонари». Сломанный нос перекосило. Пользуясь действием обезболивающего, Алекс постаралась вправить его на место.

Боль скоро вернется, пусть Алекс и вколола себе максимальную дозу препарата, который назвала «Остаться в живых». Действовал он недолго, ибо был рассчитан лишь на необходимость пережить нападение, как сегодня. Что-то вроде адреналина, который вырабатывался естественным путем, только куда мощнее и смешанный с опиатами, блокирующими боль. О препарате «Остаться в живых» никто не знал. В список обязанностей Алекс не входила разработка антипыточных веществ. Однако она подумала, что подобный препарат однажды пригодится, и оказалась права. Алекс использовала его уже не первый раз – она перестраховывалась и во время прошлых нападений, – однако сегодня впервые получила серьезные побои с «Остаться в живых» в крови. Эффектом она осталась довольна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.